

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИЮЛЬ
2020

№7/114

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ТАГАНРОГ В «ФУТЛЯРЕ»

ЗАВАДСКИЙ И ЕГО ДЖУЛЬЕТТА

ИЗГНАНИЕ

ОДИН ИЛИ ВДВОЕМ В ПАРИЖЕ

ТАТЬЯНА БЕЗ ВЛАДИМИРА

ЗАМУЖЕМ ЗА ПИКАССО

КТО УБИЛ МЭРИЛИН?

*Антон Чехов
Владимир Маяковский
Юрий Завадский
Галина Уланова
Мстислав Ростропович
Галина Вишневская
Пабло Пикассо
и другие*

*Хождение по мукам,
или Счастливым билет
Ирины Алфёровой*

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ КУЛЬТУРЫ

■ Алексей МИТРОФАНОВ

Если говорить об исторической личности, максимально соответствующей городу Таганрогу, то это, безусловно, Антон Павлович Чехов. Чехов здесь родился и провёл детские и юношеские годы. Покинув свою родину, он регулярно на неё навещался, помогая своим здешним родственникам, да и городу вообще. Поддерживал и великодушно позволял им нежиться в лучах его славы. И даже когда Чехов умер, таганрожцы этого, похоже, не заметили – настолько привычным и естественным казалось его незримое присутствие в городе. Для таганрожцев Чехов до сих пор живой.

Антон Павлович родился в 1860 году в семье незадачливого таганрожского предпринимателя. Жизнь в городке была тихая, томная, как бы засиженная мухами. Никакого движения куда бы то ни было не наблюдалось. Из проявлений прогресса – вышедший годом раньше первый номер первой городской газеты. Называлась она «Полицейский листок».

Впрочем, это состояние сохранялось в той или иной степени на протяжении всей жизни великого писателя. В частности, публицист Валериан Светлов отмечался в 1902 году: «Таганрог – очень неинтересный город для принуждённых постоянно обитать в нём и, главным образом, неинтересный по климатическим условиям: жара в нём стоит неестественная, доходящая летом до 48–50 градусов, а холод зимою до 20 и больше...»

Таганрог производит на человека, попавшего в него в первый раз, странное и унылое впечатление выморочного города: улицы пустынные, как в Помпее, ставни у всех домов наглухо закрыты; изредка попадает неторопливо идущий прохожий; даже на главной, Петровской улице летом нет никакого движения, а зимою – лишь небольшое, да и то в определённый вечерний час...

Не имея канализации, водопровода и стоков, город не может быть действительно чистым; в особенности отвратительно в нём содержание ассенизационного обоза, распространяющего по вечерам невероятное зловоние на улицах. Несчастные обыватели только что открыли ставни и окна, желая воспользоваться наступившей хотя бы относительной прохладой, как уже приходится закрывать окна, чтобы спастись от мчащегося с грохотом обоза».

Освящение деревянного масла

Основным родом занятий таганрожцев была, разумеется, торговля. Но, как мы уже отмечали, именно отец Антона Павловича Чехова к этому промыслу талантов не имел.

Последним же подвигом этого предпринимателя было открытие в 1869 году на Александровской улице колониальной лавки. Разузнав, что в городе будут устраивать железную дорогу, и выяснив, где именно планируется разместить вокзал, Павел Егорович решил воспользоваться этой инсайдерской информацией и вложил все свои средства в магазин на месте предполагаемого оживлённого движения пассажиров. Но, как писал его сын Александр Павлович, «с первых же дней оказалось, что расчёт Павла Егоровича был создан на песке. Пассажир оказался неуправляемым и потянул с вокзала совсем в другую сторону».

В результате вместо оживлённой торговли Чеховы получили всё те же привычные тишину и покой. Тот же Александр Павлович писал: «На... большой чёрной вывеске были выведены сусальным золотом слова: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Вывеска эта висела на фронтоне, над входом в лавку».

Немного ниже помещалась другая: «Навынос и распивочно». Эта последняя обозначала собою существование погреба с сантуринскими винами и с неизбежно водкой. Внутренняя лестница вела прямо из погреба в лавку, и по ней всегда бегали Андрюшка и Гаврюшка, когда кто-нибудь из покупателей требовал полкварты сантуринского или же кто-нибудь из праздных завсегдатаев приказывал:

– Принеси-ка, Андрюшка, три стаканчика водки, а вы, Павел Егорович, запишите за мной».

Таганрог

КАК СЫН ВЛАДЕЛЬЦА ЛАВКИ КОЛОНИАЛЬНЫХ ТОВАРОВ УЕХАЛ ИЗ «ВЫМОРЧНОГО ГОРОДА» В БОЛЬШУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Русский писатель Антон Чехов (в центре) среди родных и знакомых. 1890 год

Именно здесь произошёл феерический случай, описанный тем же мемуаристом: «Однажды летом... вошел Павел Егорович с озабоченным лицом и сообщил:

– Этакая, подумаешь, беда: в баке с деревянным (оливковым. – Авт.) маслом нынче ночью крыса утонула.

– Тьфу, гадость какая! – брезгливо сплюнула Евгения Яковлевна.

– А в баке масла более двадцати пудов, – продолжал Павел Егорович. – Забыли на ночь закрыть крышку, – она, подлая, и попала... Пришли сегодня в лавку, а она и плавает сверху...

– Ты уж, пожалуйста, Павел Егорович, не отпускай этого масла нам для стола. Я его и в рот не возьму, и обедать не стану... Ты знаешь, как я брезглива».

Продавать масло было б нечестно, а выливать жалко. Павел Егорович решил пойти на компромисс: устроил молебен по очищению масла. Пустил работника Андрюшку извещать всех постоянных покупателей. Разговоры были приблизительно такие:

– Кланялись вам Павел Егорыч и просили пожаловать в воскресенье в лавку. Будет освящение деревянного масла...

– Какое такое освящение? Что за освящение? – удивлялись покупатели.

– В масло дохлая крыса попала, – наивно пояснял Андрюшка.

– И вы это масло продавать будете?

Церемония «очищения» масла прошла торжественно. Глава семейства лично дирижировал церковным детским хором. Правда, как утверждал Александр Павлович, «с этого момента, к величайшему удивлению и недоумению Павла Егоровича, торговля сразу упала, а на деревянное масло спрос прекратился совсем».

В результате Чехов-старший разорился окончательно и тайком от многочисленных кредиторов выехал в Москву (изменив свою внешность и дойдя пешком до следующей после Таганрога станции – на вокзал появляться он побаивался). Вслед за ним было эвакуировано всё семейство, кроме разве что

Антон Павловича. Он остался здесь дурить мозги заёмщикам и доучиваться в гимназии.

«Арестантские роты особого рода» – так называл здешнюю гимназию писатель В. Тан-Богораз. Любое нарушение заведённого единообразия влекло неминуемое наказание. Однажды, когда юный Антон Павлович (прозванный, кстати, Бомбой за свою большую голову) явился на занятия в клетчатых панталонах, директор первым делом заявил: «Чехов, будете в карцере!»

Впрочем, встречались в гимназии и светлые личности. Например, преподаватель Закона Божия отец Фёдор (Покровский). Именно он придумал для Антона Павловича будущий псевдоним – Антоша Чехонте.

В прошлом отец Фёдор служил полковым священником, да не в тылу, а на передовой. Впоследствии, когда Антон Павлович приезжал в свой родной город, он интересовался: «Как поживает поп Покровский? Ещё не поступил в гусары?»

В «футляре»

Таганрог поставлял Чехову прототипов

Окончив курс, Антон Павлович спешно уехал в Москву к семье. Сделал довольно быструю, более чем успешную литературную карьеру. И регулярно посещал родной свой город.

Антон Павлович и любил наезжать в Таганрог, и в то же время скучно ему было до оскомины. Каждый раз – одно и то же.

Останавливался в доме своего любимого дядюшки Митрофана Егоровича. Писал о нём: «Я всегда буду говорить хорошо за его добрую душу и хороший, чистый, весёлый характер».

Брат же Михаил рассказывал: «В их уютном, гостеприимном домике мы, племянники, всегда находили родственный приём, позднее, поселившись на севере, при каждом нашем наезде в Таганрог мы любили останавливаться у дяди Митро-

фана. В этом именно домике и схвачены Антоном Чеховым некоторые моменты, разработанные им впоследствии в таких рассказах, как, например, «У предводительши»».

Каждый чеховский визит одаривал его одними и теми же впечатлениями. Вот, к примеру, описание, оставленное современником о посещении им городского сада: «В городском саду Антон Павлович уселся в стороне и смотрел на гуляющих».

– Ни одного знакомого. Все новые люди, – говорил он, – а между тем всё по-прежнему. И тот же круг, и так же ходят вокруг музыкальной эстрады и молчат, и скучают. Всё до мелочей осталось, как было в моё время, когда я бегал сюда гимназистом».

Реклама обещала много радости: «Имею честь объявить, что, арендовав буфет в здешнем городском саду и желая доставить публике удовольствие слушать хорошую музыку и возможность пользоваться чисто и вкусно приготовленным столом, я договорил здешний оперный оркестр, который будет играть по вечерам».

Но, разумеется, Чехову всё это было в высшей степени неинтересно.

Время от времени родной Таганрог поставлял Чехову прототипов. Здесь, например, жил Александр Фёдорович Дьяконов, с которого был списан «Человек в футляре».

В другой раз Чехов примечал: «Дома я застал о. Иоанна Якимовского – жирного, откормленного попа, который милостиво поинтересовался моей медициной и, к великому удивлению дяди, снисходительно выразился: «Приятно за родителей, что у них такие хорошие дети». Отец дьякон тоже поинтересовался мной и сказал, что их Михайловский хор (сбор голодных шакалов, предводительствуемый пьющим регентом) считается первым в городе. Я согласился, хотя и знал, что о. Иоанн и дьякон ни бельмеса не смыслят в пении. Дьячок сидел в почтительном отдалении и с вождением косился на варенье и вино, коими услаждали себя поп и дьякон».

Уезжая же в Москву, обычно признавался дяде: «Покидая Таганрог, я самое дорогое покидаю для себя – это вас, Дядя. Память о Вас не пропадёт, и где бы я ни был, я буду помнить о тех дружеских отношениях и тех замечательных беседах, которые Вы проводили с нами в Таганроге».

Ясно, что если бы не Митрофан Егорович, визиты в Таганрог были бы реже.

А в 1894 году дядюшка расхворался. Антон Павлович решил вспомнить свои медицинские практики. В результате в «Таганрогском вестнике» появилась заметка, исполненная сугубо южного абсурда: «В настоящее время в Таганроге гостит известный беллетрист А.П. Чехов, уроженец г. Таганрога. Антон Павлович вызван сюда в качестве врача к серьёзно заболевшему родственнику М.Е. Чехову, старосте Михайловской церкви».

Увы, в том же году Митрофан Егорович скончался.

«Прошу вас принять и разрешить»

Антон Павлович помогал не только дяде и его семейству, но и самому Таганрогу. Одним из подарков Чехова родному городу был памятник Петру Великому работы М.М. Антокольского. Правда, это не было подарком в прямом смысле слова – городу за памятник пришлось

платить. Да и сама фигура, собственно, уже существовала, правда, пока что в римской мастерской Марка Матвеевича. Но, когда в Таганроге встал вопрос об увековечении памяти первого русского императора, именно Чехов обратился к члену Таганрогской городской управы Йорданову с идеей выкупить у автора это произведение.

Он совершенно справедливо утверждал, что «никакой конкурс не даст такой удивительной фигуры Петра... Мне кажется, что, если это дело нам удастся, мы будем иметь лучший памятник Петру». Сам Чехов пожертвовал на памятник приличную сумму из собственных средств. Через него же осуществлялись все переговоры. Разумеется, если б не ходатайство Антона Павловича, Марк Матвеевич попридержал бы статую для менее захолустного места.

Памятник открыли в 1903 году, за год до смерти Чехова. Впоследствии копии статуи были установлены в Петербурге (два экземпляра, на Кирочной улице и у Сампсониевского собора) и в Архангельске, в Петровском парке.

Чехову же была обязана своим процветанием и таганрожская библиотека. Не удивительно – ведь ещё в детстве и юности он часами просиживал здесь за страницами «Стрекозы» и «Будильника», да и более серьёзную литературу вниманием не оставлял. Конечно, он не мог не отблагодарить любимое книгохранилище.

Чехов обращался к городскому голове: «Посылаю для городской библиотеки книги, в большинстве полученные мною от авторов, переводчиков или издателей. Многие из них, именно те, которые снабжены автографами, имеют для меня особую ценность, и это обстоятельство объясняет, почему я решаюсь предлагать книги, которые, быть может, уже имеются в нашей библиотеке и не обогатят собою её каталога. Прошу вас принять их и разрешить мне и впредь присылать книги, причём в следующие разы я буду направлять свои посылки непосредственно в библиотеку». Городской голова соглашался.

Чехов скончался летом 1904 года за границей. В Таганроге в честь него сразу переименовали улицу – ту самую, где проходила церемония «очищения масла». Город начал полниться многочисленными мемориальными досками – благо в юности писатель исходил весь город вдоль и поперёк. Открывались музеи. В 1910 году было принято вполне закономерное решение открыть в Таганроге памятник Антону Павловичу. Была собрана некая сумма, но случилась революция, всем стало не до этого.

И только после освобождения города от фашистов, в 1944 году, на Красной площади Таганрога установили бюст. Впрочем, ещё в 1935 году во дворе одного из чеховских музеев – «Домика Чехова» – был открыт аналогичный бюст из гипса. Полноценный памятник работы скульптора Иулиана Митрофановича Руквишниковича открыли в Таганроге только в 1960 году.

Антон Павлович – суровый, поставивший – сидит посреди круглой клумбы, опирается левой рукой о левое колено и недовольно смотрит в никуда. А вокруг бегают загорелые южные дети, которым только ещё предстоит понять, какой великий человек когда-то жил в их городе.

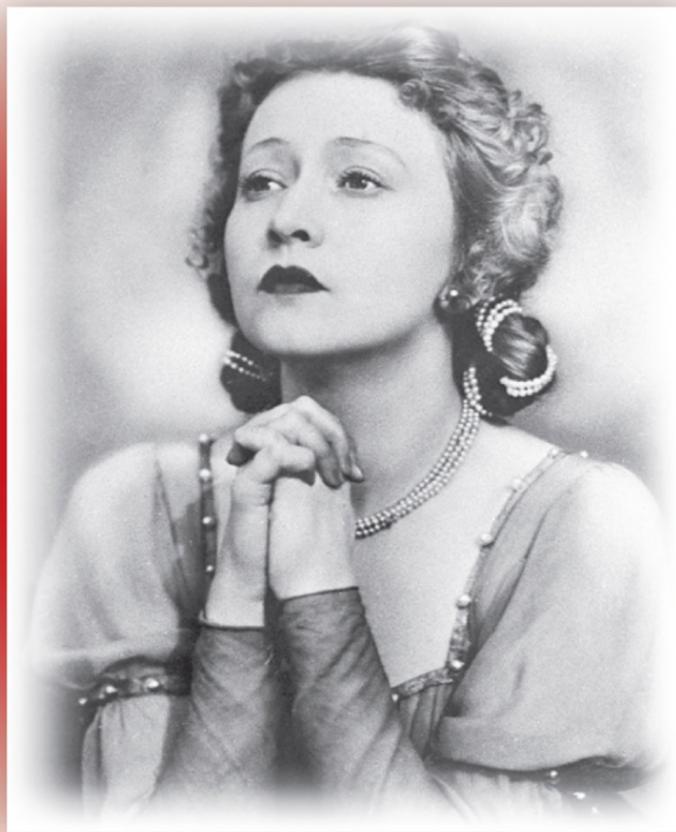
Первое самостоятельное место жительства четы Чеховых. Здесь родился и прожил первые два года своей жизни Антоша Чехов

Мужская гимназия (1843), где учился Чехов

Одна из комнат Мемориального музея «Домик Чехова»

На сцене Завадский блистал в роли Калафа (в «Принцессе Турандот»), Уланова была Джульеттой

Завадский и его Джульетта

■ Борис ПОКРОВСКИЙ

Конечно я знал о нем с тех пор, как стал посещать театр. Но познакомился мы значительно позже. Меня представил Юрию Александровичу Завадскому Юзеф Ильич Юзовский, мой учитель и друг. Здороваясь, Завадский чуть-чуть задержал свой пронзительный взгляд, но дальше в течение вечера не проявил ко мне ни малейшего интереса.

Каково же было мое удивление, когда спустя много лет я встретил Завадского в Доме актера и он узнал меня. Сказав несколько общих, ничего не значащих фраз, Юрий Александрович на прощание бросил: «Позвоните мне как-нибудь утром!»

Звонить я не спешил: мне показалось, что Завадский попросил об этом просто так, из вежливости. И вскоре понял, что ошибся. В середине декабря Юзовский решил отметить свой день рождения в кругу друзей и близких. Все заботы взяли на себя Алла и Михаил Астанговы, в их квартире на Ленинском проспекте и собрались гости. Среди них, естественно, оказался и Завадский. Держался он, как всегда, просто, говорил мало, замечательно слушал. А когда уходил, неожиданно спросил меня: «Что же вы не позвонили?»

Я не знал, как ответить, и потому промямлил что-то нечленораздельное.

Юзовский выдал мне, как говорится, по первое число:

– Вы что – безумный?! Завадский просит позвонить, а вы не находите для этого времени? И хотите, чтобы я считал вас своим учеником?

Именно в это время Украинское театральное общество предложило мне организовать поездку группы театральных деятелей во Львов и другие города западных областей Украины. Уже дали согласие критик Ирина Сегеди, режиссеры Валентин Колесаев и Владимир Бортко. Нам как раз нужен был «генерал». Я обратился к Завадскому. К моему удивлению, он не попросил перезвонить снова через пару дней, а сразу же сказал «да». Но предупредил, что в течение ближайших трех недель у Галины Сергеевны Улановой (жена Завадского. – *Ред.*) спектакли в Большом театре, которые он никак пропустить не может. Поэтому придется летать туда-сюда...

Через несколько дней мы оказались во Львове. С этого дня почти три недели мы расставались с Ю.А. только на ночь. И еще три раза, когда он улетал в Москву на улановские спектакли. Он готовился к ним с такой тщательностью, будто был ее партнером, а не зрителем. Возвращаясь, Завадский с упоением каждый раз рассказывал, каким особенно удачным оказалось вчерашнее представление.

После пребывания во Львове мы с Завадским по-настоящему подружились. И все последующие годы дружба эта ничем не омрачалась. Завадский несколько раз приглашал меня к себе в театр в заглянуть. Но я отвечал ему, что любая зависимость противопоказана дружбе, которую я ценю больше всего. И он всякий раз со мной соглашался.

Мейерхольдовская мизансцена

1958 год. В Колонном зале Дома союзов собралась Всесоюзная театральная конференция. С основным докладом выступал министр культуры СССР Н.А. Михайлов. В качестве содокладчиков – драматург Борис Лавренев и режиссер Юрий Завадский. Конференция проходила необычайно бурно: она пришлась по времени на период послесталинской «оттепели». Лавренев пытался реабилитировать своих коллег, Завадский – своих.

Впервые без оскорбительных эпитетов произносились имена выдающихся деятелей советской культуры, уничтоженных в годы сталинского террора. И хотя большинство в зале бурно поддерживало ораторов, не будем забывать, что сам Михайлов – любимец Сталина, многолетний комсомольский вожак страны, и многие другие, восседавшие

рядом с ним в президиуме, вряд ли радовались таким речам, хотя и не могли вступить в полемику.

Много позже я узнал, что после отъезда из России Михаила Чехова Завадский как один из его друзей был подвергнут аресту и доставлен на Лубянку. Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не находчивость Владимира Ивановича Немировича-Данченко, догадавшегося обратиться к наркому всеобщего ведомства с просьбой оказать содействие в розыске внезапно исчезнувшего актера Завадского, который должен завтра вечером появиться в роли графа Альмавива на сцене МХАТа в комедии Бомарше «Женитьба Фигаро».

...Сию как-то вечером дома у Юрия Александровича. Мама его уже умерла, он остался на попечении знаменитой Васены – женщины удивительной, одновременно суровой и доброй. Если уж она кого невзлюбит, беда тому! И к телефону ни за что не позовет Ю.А., и дверь так открывает, что второй раз не захочется позвонить. А если и впустит в дом, то и чаю не подаст: то воды нет, то газа.

Ю.А. все это знал, за глаза подтрунивал над ней, но любил и немного побаивался. Во всяком случае, Васена могла сказать ему то, на что не осмелился бы никто другой.

В этот день он чувствовал себя неважно и лежал на диване в спортивном

Галина Уланова и Юрий Завадский (в центре) в Казахстане в годы войны.

костюме. Мы мирно беседовали. Вдруг входит Васена и просит Юрия Александровича взять трубку. Звонил директор Театра имени Моссовета Павлов (имени и отчества его я, к сожалению, не помню, да и работал он с Завадским совсем недолго).

Разговор был коротким. Ю.А. выслушал собеседника, покраснел и резко сказал:

– Скажите тем, кто просил вас позвонить мне, что я вступил в партию, когда они еще ходили в детский сад. И потому и впредь намерен поступать так, как мне велит моя партийная совесть. Мейерхольд – гений XX века, настоящий революционер. И мне совершенно не обязательно знать, довольна ли моим выступлением какая-то дама из горкома. Так и передайте, пожалуйста!

И бросил трубку.

Что произошло? Накануне в Брюсовом переулке – тогда он носил имя известной певицы Антонины Васильевны Неждановой, – на доме, где жил когда-то Мейерхольд, была открыта мемориальная доска. А в выступлении Ю.А. по этому поводу были такие слова: Всеволоду Эмильевичу не везло при жизни и продолжает не везти сегодня (он имел в виду ненастную погоду). Но погода – величина переменчивая, а Мейерхольд – постоянная. И будущее, безусловно, за ним, за Мейерхольдом!

По нынешним временам ничего особенного Завадский не сказал. Но ведь то были совсем другие времена. К тому же Ю.А. усугубил свою «вину». На другой день в переполненном Большом зале Дома актера он с трибуны призвал к прекращению критики Мейерхольда, намекая на основной доклад Михаила Ивановича Царёва, в котором снова и снова пережевывались «ошибки» Мастера.

– Мне кажется, – сказал Завадский, – настало время не критиковать Всеволода Эмильевича, но каяться перед ним.

Слова эти были встречены аплодисментами. Сидевший в президиуме собрания Царёв, человек мудрый, опытный, отличавшийся поразительным самообладанием, на этот раз не выдержал, встал и демонстративно направился к выходу.

Но тут случилось непредвиденное: по мере того как Михаил Иванович продвигался по залу, в знак протеста ему навстречу стеной поднимались люди, ряд за рядом. Завадский говорить не мог: бурные овации грозили разрушить старое здание. А когда, наконец, все снова сели, Ю.А. не без лукавства продолжил:

– Мизансцену, которую мы только что с вами видели, мог придумать и поставить лишь один Мейерхольд. И это лучшее доказательство тому, что он жив, что он – с нами.

Конечно, такие «выходки» в те годы не поощрялись. Однако сделать возмутителю спокойствия банальную выволочку, видимо, не рискнули. Вот и пришлось прибегнуть к помощи директора театра: пусть он «по-дружески» подскажет Завадскому, что так больше делать нельзя.

– В мои годы важнее думать о Боге, – сказал Ю.А., показывая почему-то карандашом в потолок. – Какое мне дело до того, кому понравилось мое выступление, а кому – нет?

Она

Наша последняя встреча состоялась летом 1976 года. Ю.А. был тяжело, неизлечимо болен, но не любил говорить об этом. Напротив, держался мужественно, делился планами, интересовался новыми пьесами, спектаклями.

К этому времени уже не стало и Васены. Правда, днем к нему приходила помощница по хозяйству, но вечерами он чувствовал себя особенно неуютно и потому радовался каждому звонку, особенно когда театр уезжал на гастроли, а он оставался в Москве.

Дела у нас никакого не было. Мы говорили о том, о другом. Затем перешли в кухню, где Ю.А. стал проводить ревизию холодильника и готовить ужин. Вдруг звонит телефон.

– Да, да, конечно! Нет, нет! Сейчас же буду!

На моих глазах буквально за минуту Завадский преобразился:

– Борис, вы не рассердитесь: мы договорим в другой раз. А сейчас я должен срочно ехать к Галине Сергеевне.

С этой минуты он не ходил, но порхал по комнатам: подбирал сорочку, костюм, носки, туфли. Затем аккуратно сложил в целлофановый пакет все, что прежде достал из холодильника для ужина. На ходу небрежно взглянул на себя в зеркало и вышел на улицу, где на удивление быстро остановил такси и счастливый, как юноша, умчался к Ней. Таким красивым, элегантным, по-юношески взволнованным предстоящим свиданием я его и запомнил навсегда.

Брак Завадского и Улановой фактически распался в самом конце 1940-х годов, после чего у каждого были свои «сюжеты». Они жили по разным адресам, но формально оставались мужем и женой до самого конца. Почему они так и не расторгли брак, остается только гадать.

Галина Сергеевна после смерти Юрия Александровича продолжала интересоваться всем, что было с ним связано. В год его столетия она пришла на сбор труппы Театра имени Моссовета, что-

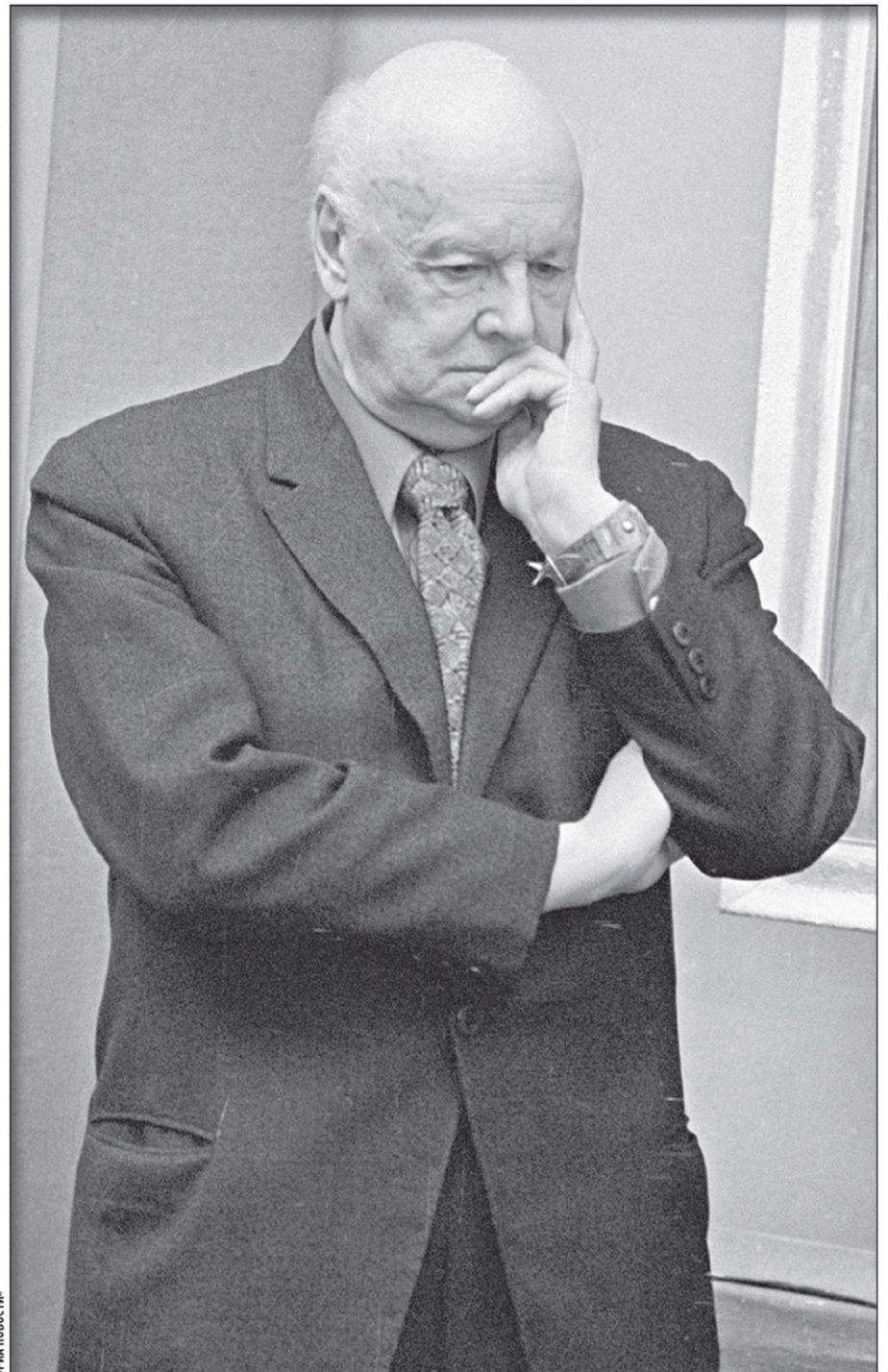
бы таким образом засвидетельствовать свое почтение. А когда прочла в «Известиях» статью Ростислава Плятта, где он с нежностью вспоминал о своем учителе,

немедленно позвонила Ростиславу Яновичу и выразила ему свою признательность.

Уланова не была сентиментальна ни в жизни, ни в искусстве. Она не слишком охотно давала интервью, не любила тусовки и не вела себя как актриса, покорившая мир. Будучи человеком достаточно закрытым, скромным, чуждым всяческой суеты, Галина Сергеевна оставалась верной тем немногим, кого считала своими друзьями. В этом отношении особенно показательна история с Фаиной Георгиевной Раневской.

Когда несколько лет назад в Театре имени Моссовета решили устроить гала-концерт в честь 100-летнего юбилея Раневской, я заблаговременно обратился к Улановой и пригласил ее на вечер. Она, разумеется, приехала и сперва даже намеревалась выступить с воспоминаниями, но затем передумала и скромно сидела в зале. Она не предполагала, что Владимир Васильев, танцевавший в тот вечер партию Мачехи в прокофьевской «Золушке», в финале спустится в партер и передаст ей букет, а один из ведущих программы, Александр Голобородько, в этот момент пояснит, что в зале находится друг Фаины Георгиевны, великая балерина XX века, знаменитая исполнительница роли Золушки Галина Сергеевна Уланова. Зал встал в едином порыве и долго неистовствовал. Но Уланова никак не отреагировала на бурные приветствия. Она прошла перед первым рядом к тому месту, где был установлен портрет Раневской, положила к нему букет, слегка склонив голову, и, не повернувшись лицом к публике, молча вернулась к своему креслу...

ИЗ ФОНДА МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ Г.С. УЛАНОВОЙ

В конце жизни Завадский чувствовал одиночество. Его брак с Улановой фактически распался в 1940-х годах. Формально оставаясь мужем и женой, они жили по разным адресам

Хождение по мукам, или Счастливым билет Ирины Алфёровой

В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ Я ОБЩАЛАСЬ С ИРИНОЙ АЛФЁРОВОЙ. ДО РАЗВОДА С АЛЕКСАНДРОМ АБДУЛОВЫМ ЭТО БЫЛА КРАСИВАЯ, МИЛАЯ, ОБАЯТЕЛЬНАЯ МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, РАЗГОВОРЧИВАЯ, ВНЕШНЕ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ, НО ВОТ ВНУТРЕННЕ... РАЙСКАЯ ПТИЦА В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ. В КОНЦЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ МЫ БЕСЕДОВАЛИ С НЕЙ В ЛЕНКОМОВСКОМ ФОЙЕ, И МЕНЯ НЕ ПОКИДАЛО ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ЕЙ ЗДЕСЬ НЕ ОЧЕНЬ-ТО КОМФОРТНО. КОГДА МЫ РАССТАВАЛИСЬ, ОНА ВЫПОРХНУЛА ИЗ СЛУЖЕБНОГО ПОДЪЕЗДА ТЕАТРА И ЛЕГКИМ ВЗМАХОМ РУКИ ОСТАНОВИЛА ПРОЕЗЖАВШЕЕ МИМО ТАКСИ... ТОГДА СОБСТВЕННАЯ МАШИНА БЫЛА ТОЛЬКО У ЕЕ МУЖА, ХОТЯ ИХ ЗВЕЗДНЫЙ СТАТУС И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВПОЛНЕ ПОЗВОЛЯЛИ И ЕЙ ИМЕТЬ АВТО. СОВСЕМ ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ ИРИНА ПОКАЗАЛАСЬ МНЕ В НАЧАЛЕ 1993-ГО, СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ РАЗВОДА. ОНА ВСЯ СВЕТИЛАСЬ И ФОНТАНИРОВАЛА СЧАСТЬЕМ. К ТОМУ ЖЕ ПРИЕХАЛА НА МАШИНЕ И ЗА РУЛЕМ СИДЕЛА САМА.

— ВЫ ТЕПЕРЬ И МАШИНУ ВОДИТЕ?
— Я ТЕПЕРЬ МНОГО ЧЕГО ДЕЛАЮ САМА, — ОТВЕТИЛА ОНА НЕ БЕЗ УДОВОЛЬСТВИЯ. ВНОВЬ ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ УЖЕ В 2000 ГОДУ. НЕСКОЛЬКО ВЕЧЕРОВ ПОДРЯД Я ХОДИЛА НА ЕЕ СПЕКТАКЛИ В ТЕАТР «ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ». НАУТРО МЫ СОЗВАНИВАЛИСЬ И Я РАССКАЗЫВАЛА ЕЙ, КАКОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ ПОЛУЧАЛА И ОТ СПЕКТАКЛЯ, И ОТ ЗРИТЕЛЕЙ, ПОТОМУ ЧТО КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ВИДЕЛА, КАКИМИ СЧАСТЛИВЫМИ УХОДИЛИ ЛЮДИ ИЗ ЗАЛА, СОЖАЛЕЯ О ТОМ, ЧТО ПЬЕСА ЗАКОНЧИЛАСЬ...

Она должна была порвать отношения и с мужем, и с театром, которые не давали ей быть незаурядной творческой личностью.

Иосиф Райхельгауз

■ Татьяна СЕКРИДОВА,

(Интервью 2000 года)

Ее мечты

Ирина Алфёрова родилась в Новосибирске не в актерской семье (родители ее – Иван Кузьмич и Ксения Архиповна – прошли войну от начала до конца и, выучившись потом, оба стали юристами-адвокатами), но без «игры» жизни своей она не мыслила. В этот мир можно было окунуться в новосибирском Академгородке, где физики дружили с лириками, где постоянно проводили какие-то фестивали, куда приглашали самых талант-

ливых людей страны... Ирина играла там в самодеятельном театре, пока не окончила школу и не улетела в Москву, в Институт театрального искусства.

На первых порах в столице ей пришлось туго: после первого курса чуть было не отчислили за профнепригодность. Руководитель курса Дудин сказал даже, что она очень хороша собой и, пока не поздно, ей стоит поискать себя в какой-нибудь другой профессии. А все из-за того, что Ирина не могла изображать в этюдах то, чего не чувствовала. Любовь, например. Но институт она окончила, по общему признанию, как самая талантливая и перспективная. Вспоминая те годы, Ирина сетует, что театральная педагогика вообще слишком поспешна и

поверхностна, всех причесывают под ранжир. Преподавателям хотелось, чтобы у всех все получалось, и обязательно быстро...

Еще школьницей Ирина поняла, что нравится мальчикам. Особенно когда раскрепостится, раскроется, да еще начнет танцевать. И рано почувствовала зависть подруг. Поэтому на школьных, а потом и институтских вечеринках устраивалась где-нибудь в уголочке и наблюдала за всеми со стороны...

– У меня даже комплекс тихони выработался. А подруги все чаще стали говорить: «Ты у нас такая хорошая, вся из себя такая скромница... Да разве ты пойдешь с тем парнем!..» Я помалкивала и знала про себя, что нужен мне один-единственный... И ждала, когда судьба подарит мне эту встречу.

Когда Алфёрова оканчивала ГИТИС, ее пригласили в свои труппы сразу несколько московских театров. И тогда же ей выпал удивительно счастливый билетик – роль Даши в телефильме «Хождение по мукам».

Но режиссер Василий Ордынский поставил условие: параллельно играть в театре она не будет. Ирина согласилась. И в течение пяти лет жила только своей Дашей. Фильм удался. До сих пор эту ее работу критики и публика называют чуть ли не самой лучшей. Для актрисы же это была и радость и мука одновременно, потому что долгие годы после фильма ее постоянно ставили перед выбором: либо театр, либо кино...

Ее разочарования

В год премьеры «Хождения по мукам» – это было в середине семидесятых – Ирину пригласил в свою труппу Марк Захаров. Забресжил лучик надежды...

– Но потом я, видимо, сделала что-то не так...

Этим «не так», скорее всего, стало ее замужество.

– Я очень хорошо помню свой первый приход в театр. Шел спектакль «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Ни с кем в театре я еще не была знакома, но буквально с первого вздоха ощутила какое-то внутреннее покалывание и безумную влюбленность в спектакль и его атмосферу. А потом увидела на сцене главного героя, его огромную руку, скользящую по партнерше, и будто растворилась в этом образе... В энергии, исходящей от этой руки,

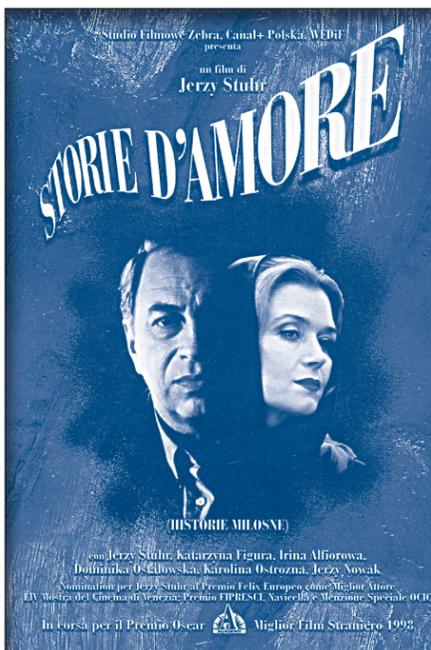
С Львом Дуровым. Театр «Школа современной пьесы»

было все: и страсть, и надежность, и что-то такое, что мне было нужно в этой жизни. Так что в своего будущего мужа я влюбилась в первую же секунду. Мне вообще нравятся мужчины, подобные Грею в «Алых парусах», способные удивлять, дарить мечту, превосходить желания. Как раз таким человеком был Саша Абдулов...

Золотой осенью они оба – Алфёрова и Абдулов – гастролировали с театром в Ереване. Однажды, гуляя по огромному парку, он спросил в упор,

возьмет ли она его в мужа. Пошутила: «Пронесешь меня через весь парк на руках – отвечу!» Он нес Ирину на руках, не обращая внимания на взгляды и реплики прохожих. Она чувствовала себя самой счастливой на свете.

Поженившись, они несколько лет прожили в общежитии. Квартиру помог получить Евгений Павлович Леонов. Вокруг все только и говорили, что они – самая красивая актерская пара. А в театре этого будто не замечали, и все звездные роли доставались исключи-

Афиша фильма Ёжи Штура «Любовные истории»

Александр ЗБРУЕВ, народный артист России:

– На сцене я с Ирой встретился только в спектакле «Карманный театр». Но, наблюдая ее со стороны, понял, что у каждого человека в жизни много периодов. Когда я еще учился в Щукинском, обратил внимание на то, что, скажем, печать «отличника», закрепившаяся за каким-нибудь студентом, которому пророчили большое будущее, в театре могла сослужить ему горькую службу: человек мог просто потеряться там, исчезнуть навсегда. Потому что к актеру в театре всегда подходят с меркой сегодняшней: что он может сделать сейчас, сию секунду. Театр – это не кинематограф.

Ира начала свою актерскую карьеру просто блестяще – с популярнейшего фильма «Хождение по мукам». Потом ей катастрофически не хватало работы в театре. Но, к счастью, ей хватило внутренних сил не утонуть в его рутине. Она как та лягушка, упавшая в кувшин с молоком: барахталась, барахталась, взбила масло и выбралась наружу. Она набила уйму шишек и синяков, но все это только благоприятно отозвалось на ее нынешней творческой потенции. Она очень серьезно выросла. И, мне кажется, в последние годы у нее начался новый творческий этап уже совершенно на другом, более высоком уровне. Она очень поверила в себя, в то, что она делает. А поскольку Ира еще и удовольствие получает от этого, ее искренность переходит через рампу в зрительный зал, завораживая публику.

► тельно Абдулову. Алфёрову же использовали лишь в небольших эпизодах, хотя все было при ней: и молодость, и красота, и ум, и индивидуальность, и уже популярность в кино. Но ей даже шанса не дали. Она так и осталась в тени своего бесспорно талантливого мужа и в глухом кордебалете... Можно, конечно, говорить о том, что в театре главная ставка сделана на замечательных актеров-мужчин и на мужскую внутреннюю тему. Однако это не мешало полноценно творить Татьяне Пельтцер, Инне Чуриковой, Александре Захаровой...

Помню, когда я брала интервью у Александра Абдулова в конце восьмидесятых, он говорил, что очень бы хотел играть с Ириной не только на съемочной площадке, но и на театральной сцене, хотя считает ее актрисой непредсказуемой. Но главное, что она всегда превосходно выглядит: ухоженная, женственная, подтянутая... Таких актрис у нас – раз, два и обчелся. И без тени сомнения и реверансов в адрес жены утверждал, что театральной режиссурой она недоиспользована...

В таком случае неужели он, любимец Захарова, не мог замолвить за любимую женщину словечко?

– Нет, никогда... То, что я была женой Абдулова, в Ленкоме мне скорее мешало, чем помогало.

– **Может быть, вам самой нужно было прийти к Захарову и попросить роль?**

– Я не хочу просить. Наверное, другие просят... Но так легко себя потерять, если начать просить. И ощутить свою ущербность. И нажать комплексы.

– **Значит, верно говорят, что красивым актрисам гораздо сложнее в творчестве...**

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ, художественный руководитель театра «Школа современной пьесы»:

– Мы учились с Ириной на одном курсе в ГИТИСе, и она играла в моих первых режиссерских спектаклях. За все прошедшие годы она сохранила в себе удивительный и, я бы сказал, невозможный в наше прагматичное время романтизм. Она видит совершенно уродливую ситуацию, уродливые отношения, подлог, обман, но при этом с упорством ребенка или глубоко верующего человека утверждает: «Нет, все это абсолютно не так и в основе своей – замечательно!..» Конечно, судьба Ирины, история ее отношений с Сашей Абдуловым, взаимоотношения с дочерью, то, что она взяла на себя воспитание ребенка своей умершей сестры и детей своего нынешнего мужа, весь этот утяжеленный быт нескольких последних лет внесли в ее творческую индивидуальность серьезную драматическую глубину. И если бы она, как актриса, согласилась играть сама с собой, со своей реальной природой, она стала бы, не боюсь этого слова, великой, выдающейся! Пока она этого подсознательно побаивается. Так же как подсознательно боится забрать из Ленкома свою трудовую книжку, как много лет боялась пойти на разрыв с Абдуловым. Она, как незаурядная творческая личность, должна была порвать свои отношения и с мужем, и с театром, который не давал ей возможности быть таковой!

Я верю в нее. Немаловажен и тот факт, что она замечательно выглядит. И во многом благодаря внешности публика ей изначально доверяет. А еще у Ирины фантастическое обаяние! Ей достаточно просто выйти на сцену – и зал улыбается. Я наблюдал это в самых разных спектаклях. А если еще она позволяет себе воспользоваться драматическим объемом, накопившимся за годы жизни, если она не боится это глубинное содержание предъявить публике – она достигает мощнейшего драматического накала. Помните знаменитый эпизод с Анной Маньяни? Когда гример стал прятать ее морщины, актриса сказала: «Что ж ты делаешь, мерзавец, у меня на них жизнь ушла...» У Ирины в душе этих морщинок появилось предостаточно. И ни в коем случае ей не нужно их прятать от зрителей. В данном случае они – ее богатство!

– Конечно, сложнее, потому что тебе тут же отказывают в таланте и уме,

считая, что это как бы несовместимые понятия. Но что такое красота? Посмотрите: и манекенщицы, и молодые девочки – они ведь тоже очень красивы. А для меня эта пресловутая красота стала почти наказанием. За ней будто и не видели ничего остального. Говорят: очень красива! А подразумевают, что и нет-то в ней ничего другого... Порой комплимент тебе делают дамы-доброжелательницы: красавица ты наша! И сразу холод ощущаешь... А вы попробуйте на сцене быть красивой! Тут мало одной физической красоты. АURA нужна. Неординарность. Сцена будто рентгеном просвечивает. По-настоящему красивая женщина не должна суетиться, не должна ничего никому доказывать... К тому же я не борец по характеру, раздвигать плечами, расталкивать...

Для меня гораздо важнее сохранить свое «я».

И мне интересно жить, потому что не трачу времени на всю эту возню. Если кто-то хотел у меня что-то отнять, я всегда отдавала. И на душе было легче...

– **А как складывалось ваше общение с сильными мира сего, его мужской полвиной?**

– Честно говоря, я очень рано многое поняла: и что для счастья не деньги главное, хотя мне их тоже предлагали, и не жизнь, а рай где-нибудь у Средиземного моря... Для меня счастье в мужчине, которого ты полюбишь, с которым тебе бесконечно хорошо наедине, а не втроем, не вчетвером, не в компании. Все остальное – подмены... Ну и, конечно, не мыслю своей жизни без творчества. И в то же время я рано поняла, что не стоит страдать по поводу отсутствия работы – из-за этого быстро разрушаешься. И еще, слава Богу, я практически лишена чувства зависти. Хотя за столько лет работы в Ленкоме оно и могло бы возникнуть, когда всем доставались роли, а мне – нет.

Ее радость

И все же Ирина Алфёрова и Александр Абдулов стали партнерами на ленкомовских подмостках, когда одно из театральных фойе преобразовали в небольшой уютный зрительный зал с от-

крытой сценой. Там стали играть камерные, малочисленные по составу пьесы. Актеры в этом театре очень приближены к зрителям, «спрятаться» не за что и сфальшивить невозможно. Петр Штейн пригласил в спектакль «Карманный театр» по комедии Жана Кокто «Равнодушный красавец» четырех замечательных актеров: Ирину Алфёрову и Александра Абдулова, Елену Шанину и Александра Збруева.

– Наконец-то у меня появилась хорошая работа, – говорила мне в 1989-м Ирина. – Зритель был в восторге!

Очевидцы рассказывали, что однажды после спектакля к Ирине подошел американец из Голливуда и буквально вцепился в нее: «Вы же звезда! Вы одна в этой стране! Поехали в Америку, и я вас сделаю мировой знаменитостью!» Но Саша Абдулов – они тогда еще были женаты – сказал: «Нет! Мы поедем домой!» И усадил в свою машину.

Непредсказуемость Ирины Алфёровой как актрисы как раз и пришлась по душе Штейну, и он разрешил ей импровизировать на сцене. Но каждый раз перед спектаклем спрашивал: «Ну что ты нам сегодня подаришь?»

Может быть, именно поэтому спектакль жив до сих пор и актеры успешно гастролируют с ним по России, постсоветскому пространству и за его пределами...

К счастью, в те времена не было нынешних перебоев в кинопроизводстве. И многие кинорежиссеры охотно эксплуатировали внешность Алфёровой в своих картинах. Однако ролей, которые ей по-настоящему нравились, было совсем немного. В начале восьмидесятых как снег на голову свалился на нее югославский режиссер Звонимир Беркович.

– Он увидел меня в фильме «С любимыми не расставайтесь» и примчался в Москву, чтобы пригласить в свою картину «Любовные письма с умыслом». И говорил при встрече просто «неприличные» комплименты, от которых у меня мурашки бежали по коже...

Югославский фильм с участием Алфёровой имел огромный успех в Европе, а на Международном кинофестивале в Пуле ее работа была признана лучшей современной женской ролью 1985 года.

В конце восьмидесятых Ирина снялась на ленинградском телевидении в роли Коветты в детективной истории Жоржа Сименона «Он приехал в день поминовения». Вот об этой картине актриса рассказывала с упоением:

– Если вы не видели фильма, то легко вспомните роман Сименона, в котором потрясающе выписана эта необыкновенная женщина. Она самая красивая и самая добрая, самая мудрая и самая щедрая, самая жертвенная и самая добродетельная, в общем – са-

Ирина с дочерью на «Кинотавре» в Сочи, 1999 г.

мая, самая, самая... И в то же время писатель обрушил на нее совершенно дикое испытание, они сыплются на ее голову ежечасно. И она их достойно преодолевает, каждый раз для себя, для своей душевной жизни что-то приобретая. Она очень сильная по характеру, но при этом остается удивительно женственной и внешне незащищенной...

За все годы своей киносудьбы я как-то не очень радовалась своим ролям. Вернее, сначала ими загоралась, пыталась выложиться по максимуму, чего-то необыкновенного от них ожидала, но каждый раз на съемочной площадке все происходило как-то суматошно, тебя торопили, подгоняли, а в итоге – ничего, кроме досады от сделанной работы, не испытывала. Снимаясь же в роли Коветты, я поняла – это настоящий подарок Судьбы. Когда играла эту роль, радовалась и наслаждалась, существуя в образе этой женщины, я как бы растворялась в ней и была совершенно счастлива. Самыми трудными для меня

будут совсем другие ощущения и эмоции...

– Я видела американскую экранизацию романа. И, знаете, мне кажется, роль Лары – ваша...

– Я и сама это давно чувствую. Как-то услышала о себе, что я – холодная, и поняла, что меня как актрису совершенно не знают. Ведь внутренне я ежеминутно умираю от своих и чужих переживаний. И мне, поклоннице Пастернака, во сто крат обиднее, что этот фильм сняли не мы, а американцы. Хотя сделана картина интересно, в ней не ощущается как раз того, что написано Пастернаком, – той самой загадочности русской души. И Лара у него совсем не европейская женщина. Загадка ее именно в том, что она жертвенная душа, которая в своей красоте уже с детства была как бы обречена на падение. И на многое в этой жизни имеет право... Она осознает, что жизнь – это всего лишь миг и столько в ней нужно охватить, прочувствовать,

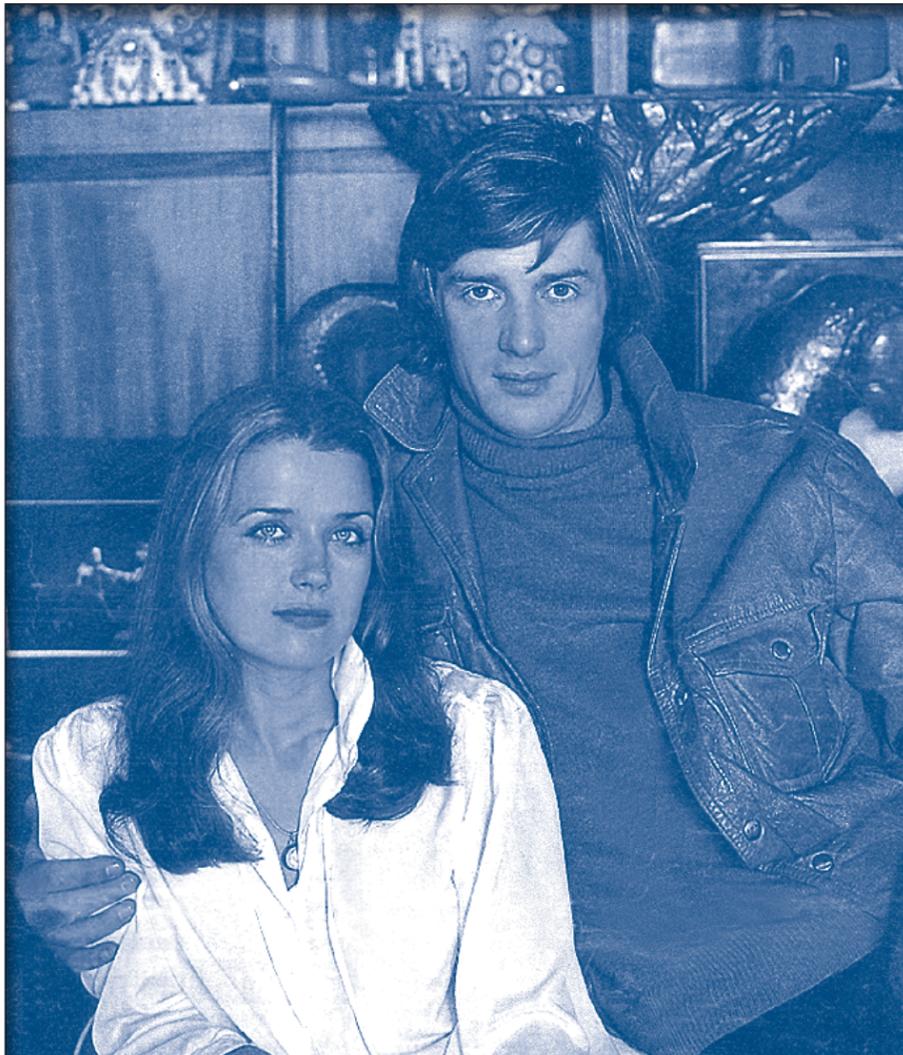
Александр МОХОВ,

заслуженный артист России, актер Театра-студии под руководством Олега Табакова, режиссер. Снимался в фильмах «Беспредел», «Серые волки», «Лихая парочка». Режиссер-постановщик спектакля «За закрытой дверью» по пьесе Ж.-П.Сартра в московском театре «Игроки»:

– Я не знаю, что не состоялось у Ирины в контакте с Захаровым и почему она долгие годы не играла в ленкомовских спектаклях. У меня в процессе работы над нашим спектаклем сложилось о ней самое благоприятное впечатление. Хотя долгая театральная невосребованность отложила, конечно, свой негативный отпечаток: чрезмерное самобичевание. Все-таки постоянная задействованность в спектаклях дает актеру большую степень легкости и раскованности. Поначалу Ира держала меня на дистанции, больше доверяя своему театральному и актерскому опыту, пока не стали присутствовать на репетициях ее муж, Сергей Мартынов, и дочь Ксения, которые убеждали ее прислушаться к режиссеру. И наступил момент, когда Ира мне поверила, и спектакль от этого только выиграл. Честно говоря, я не перестаю удивляться Ирине как актрисе. Иногда она делает просто фантастические вещи.

– Говорят, красивой женщине не обязательно быть умной...

– К Ирине это не относится. Ее мудрости и жизненному опыту, глубине можно только позавидовать.

Их называли самой красивой парой

тогда были моменты расставания со съемочной площадкой. И пока снималась – буквально летала в своей повседневной жизни.

– Ну а что еще доставляет вам радость? Спасает от стресса нерастраченных чувств?

– Во многом спасают книги. Например, Пруст. «В поисках утраченного времени». В институте педагог говорил о нем, как о потрясающем писателе, читать которого очень тяжело. Но я сразу почувствовала, что этот длинный слог, фразы на полстраницы – как раз по мне. Я погружаюсь в смысл строк, и ужасно не хочется, чтобы нить фразы заканчивалась. Я, кстати, и по жизни очень тяжело расстаюсь с тем, что мне доставляет радость и удовольствие. Очень давно я открыла для себя Платонова, Булгакова, Мандельштама. А Хемингуэй, на мой взгляд, вообще актерский писатель, играть его было бы безумно интересно...

Обожаю Пастернака... Его стихи – такие мужские и философские. Начав читать «Доктора Живаго», очень долго прерывала себя и откладывала книгу, чтобы она не заканчивалась. Ведь если дочитаю, что буду делать дальше, где найду ей замену? А перечитывать – уже

испытать... Ох, как она близка мне по своей сути! Сколького уже не успеть, в скольком приходится себе отказывать! Если бы была вторая жизнь, я бы ее так раскрутила!.. Увы, чаще всего приходится останавливаться, из-за этого иногда не выдерживаю психологически, нервничаю, срываюсь... Но в этом-то как раз и счастье моей профессии: она позволяет исполнить то, чего не можешь позволить себе в жизни. Не случайно Чехов говорил о том, что все лучшие и самые красивые женщины должны идти в актрисы, иначе они обречены на страдания в жизни. Бурю внутренних страстей и переживаний нужно отдавать своим ролям!

Если говорить серьезно, русскому человеку вообще не свойственно ощущение покоя и благополучия, всегда

тревога, муки совести, боль чужая как своя... При нынешней общей ситуации, в которой мы все очутились, может ли нормальный человек ощущать себя благополучно?! А я к тому же очень подвержена перепадам настроения. От дурного слова, кривого взгляда тут же вяну, скиаю. Но Бог дал мне благополучный вид, даже если внутри бушуют бури.

– Ну а если уж совсем невозможно?

– Тогда почитаю «Машеньку» Набокова и постараюсь обрести внутренний покой. Вот где чистота, прозрачность, кружева, настоящие! А еще я танцевать люблю. И стихи люблю. Не обязательно классику, а те, которые помогают выразить мое собственное отношение к жизни. Ну, например, эти: «Весной у меня в стакане стояли цветы земляники, лепестки у них были белые с бледно-лиловыми жилками, трогательными, как твои веки, и я их назвала твоим именем... Это Елена Ширман, поэтесса военной поры. Или – Гумилёв: «Но что нам делать с розовой зарей над холодеющими небесами?» И опять же слитность его самого со стихами. Какой трагический конец и как он его встретил: мог бы струсить, соврать, а он попросил вишен и... принял смерть. Как настоящий мужчина...

Ее боль

Настоящий мужчина... Как необходим ей был этот самый «настоящий мужчина» в те годы, когда она не имела возможности гореть на сцене. Ирина искала поддержки у любимого мужчины, но он не смог переступить через себя... Она из-за ку-

– От своих латвийских коллег я узнала, что вы очень бурно проводили там свободное время и готовы просить в этом городе сексуальное убежище... Это правда?

– Да уж был готов. В Риге вообще очень красивые девушки. Я бы назвал несколько городов, где много безумно красивых женщин, – это Львов, Рига, Москва, Санкт-Петербург, Киев и Алма-Ата – те, где я уж точно знаю.

– Почему же в одном из своих интервью вы назвали себя однолюбом, если способны так увлекаться?!

– Видит Бог – грешен: обожаю красивых женщин! Но по природе своей я действительно однолюб и очень домашний человек. Однако мне как воздух необходимы новые краски, новые чувства, нюансы...

Ирина, как настоящая русская женщина, очень долго терпела эти нюансы.

– Я все могу выдержать, – говорит она. – Мне только очень надо, чтобы меня любили, чтобы мне все время про это говорили. Я жутко нуждаюсь в любви. Я умру без любви. В меня всегда кто-то был влюблен, и это мне помогало. Я живу любовью. И сама влюбляюсь мгновенно. Даже если я вижу наперед, что мне это не надо, бороться с собой не умею и принимаю все как есть. Потом уже или меня бросают, или я ухожу. Имею то, что имею. Что Бог дал. И очень верю в силу слов.

А Абдулов умел и красивые жесты делать, и красиво ухаживать, и убеждать в том, что любит...

Как-то ей пришлось сниматься в югославском фильме в Загребе. Съемки за-

Для меня счастье в мужчине, которого ты поллюбишь, с которым тебе бесконечно хорошо наедине, а не втроем, не вчетвером, не в компании. Все остальное – подмены...

лис смотрела, как он играл в спектаклях «В списках не значился», «Жесткие игры», «Диктатура совести», «Звезда и смерть...», чтобы через любимого впитать в себя энергию зрительного зала, которую недополучала сама, он же злился, что она бегаёт на все его спектакли, стоит и смотрит на него... Потом стали всерьез одолевать его поклонники... Хотя она еще очень долго не желала расставаться с тем образом любимого мужчины-рыцаря, который слепила в своем сознании.

– Женщины, которым нравился мой муж, вели себя очень нагло, вызывающе. А я... Я даже не представляла, зачем ему нужно изменять...

Измены, измены... Я очень хорошо помню интервью с Александром Абдуловым в начале девяностых после гастролей театра в Риге.

тягивались, и на Новый год Ирина осталась там одна. Пришла после съемок в холодный номер, открыла дверь, а там – огромный букет роз и записка «Самой прекрасной женщине». Это был сюрприз от Абдулова.

Но чем больше времени они проживали вместе, тем больше все шло наперекосяк.

– Я все время его ждала, – признавалась Ирина. – У него то съемки, то гастроли. Даже праздники и отпуска мы проводили порознь...

Ждала, терпела и ждала... Она провела много лет в ожидании ролей в любимом театре, в ожидании любимого. Ей, родившейся под созвездием Рыб, вообще свойственны бесконечные сомнения и переживания, бесконечное откладывание решения на потом. Чего ждала? ▶

► Чуда? Знаменья свыше? Последней капли в «чаше терпения»? А может, новой любви?..

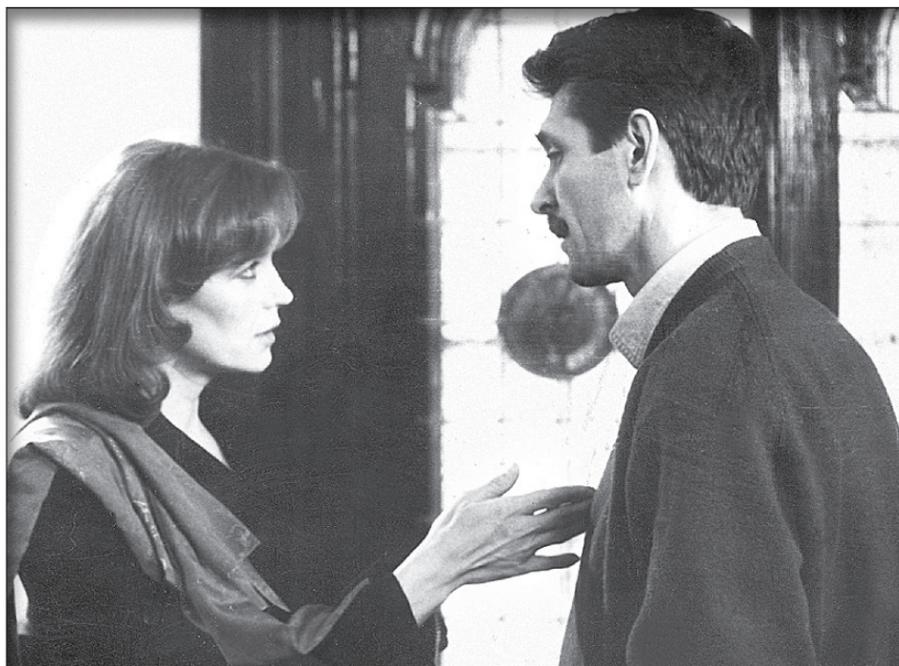
Ее любовь

К счастью, у нее росла дочь, которую назвали в честь бабушки – Ксенией. В конце восьмидесятых девочка училась в девятом классе – сложный переходный возраст. Но Ирина рассказывала о дочке как о близкой подруге, с которой она делится всеми своими переживаниями. И когда я спросила ее, хотела бы она спокойной жизни для дочери, Ирина ответила:

– Нет-нет, я этого не хочу! Наоборот, пусть живет безумной, тревожной, эмоциональной, но только не спокойной жизнью! Пусть влюбляется, страдает, переживает, пусть ощущает себя несчастной и безумно счастливой одновременно. Мне бы не хотелось, чтобы она рано вышла замуж. Лучше, если она сделает это осознанно, когда поймет, какой мужчина нужен ей. И чтобы ребенок родился не сразу, а когда она очень захочет, когда почувствует, что готова стать матерью. Не дай Бог, чтобы она повторила мою судьбу!

Абдулову очень хотелось, чтобы Ксения продолжила актерскую династию. Алфёрова же сделала все, чтобы дочь актрисой не стала. Ксения окончила юридический факультет МГУ, но... не пошла работать по профессии. Она пробовала себя как актриса, играя в спектаклях театра «Современник» и снимаясь в кино. Однако пока не уверена, что нашла свою дорогу в жизни. А Ирина теперь очень жалеет, что отвалила дочь от актерской судьбы.

– Да-да, жалею и корю себя, потому что эта профессия – самая потрясающая. Просто она требует очень много мужества, а всегда хочется, чтобы близкие тебе люди прожили более счастливую жизнь, нежели ты.

С Сергеем Мартыновым в фильме «Звезда шерифа»

это уловил в маме Василий Ордынский, снимая «Хождение по мукам». Именно это ценит в ней публика, которая валом валит на ее спектакли...

И наконец в ее жизни появился Он. Сергей Мартынов.

Зрителям наверняка запомнился этот красавец-актер, игравший в семидесятые – восьмидесятые годы то сказочных царевичей, то белогвардейских офицеров, то иностранцев. Женившись, он несколько лет провел с семьей за границей. В Россию вернулся один.

Ирина встретила с ним на съемочной площадке в фильме «Звезда шерифа». Их герои – доктор Стивенсон и Анна – полюбили друг друга и, пройдя

в то, что она все, абсолютно все может сделать сама. Она говорит, что таких, как он, больше нет. Он необыкновенный, красивый и внешне, и внутренне. Талантливый и сильный. Личность! Идеал!

– У него столько удивительных теорий. Одна из них – нельзя расставаться, надо все время быть вместе, рядом... И еще, быть может, самая главная: хотя бы одного человека ты обязан сделать счастливым! За все мои страдания мне его Бог послал.

Да, сегодня многое изменилось в ее жизни. Она востребована в театре, у нее сумасшедший гастрольный график.

– В театре «Школа современной пьесы» вы просто фонтанируете энергией...

ческом здании – зимнем «Эрмитаже». Там ведь фантастическая творческая аура! Это все для меня выстраданное и родное.

Ей выпадают удивительные работы в кино. В минувшем году польский режиссер Ёжи Штур на нескольких международных кинофестивалях показал фильм «Любовные истории» с Ириной Алфёровой в главной роли. В Венеции, например, перед фестивалем итальянцы даже заставили его переделать рекламные плакаты, чтобы на них была фотография Алфёровой. Картина получила там главный приз прессы, после чего ее приобрели в прокат почти все страны. Кроме России.

– Ирина, признайтесь, почему вы не уходите из Ленкома?

– Потому что считаю, что это моя сцена! Я ее заслужила. Я хочу сыграть на ней. Может быть, свой самый лучший спектакль!

Знакомые рассказывали, что несколько лет назад в Новосибирске у Ирины тяжело заболела сестра, за жизнь которой она боролась до последнего. Потом перевезла в Москву свою мать и осиротевшего племянника. А теперь, когда скоротостижно скончалась бывшая жена Сергея, они воспитывают уже четверых детей.

– Как вам хватает на все сил?

– В том-то и дело, что мне их не хватает!.. А столько хочется успеть. У меня сегодня просто безумная жажда жизни! Но я стараюсь не думать о том, что ни сил, ни времени не хватает. Не заикливаться на проблемах. Да, многое не успеваю, со многим не справляюсь. Да и Бог с ним! Я ничего не драматизирую и ни о чем не сожалею. Я научилась воспринимать жизнь такой, какая она есть. И все, что приходится делать по хозяйству, – готовить, мыть, стирать... – стараюсь делать очень быстро, легко, бесконфликтно. И поэтому все это происходит как бы не со мной, где-то в параллельном мире.

Ирина очень не любит рассказывать о быте, о кухне, о будуаре, считает, что все это должно оставаться за рамками ее портрета. Возможно, она и права.

– Мне Господь подарил любовь, детей, и я безмерно Ему за это благодарна! Знаете, когда я еду за рулем своей машины совершенно одна, безумно комфортно ощущаю себя в этом одиночестве. Просто купаюсь в нем. Но, наверное, мне так хорошо в эти минуты как раз потому, что в этой замечательной жизни я не одинока!

Ирина встретила с ним на съемочной площадке в фильме «Звезда шерифа».

Их герои – доктор Стивенсон и Анна – полюбили друг друга и, пройдя все испытания, остались вместе, чтобы быть счастливыми.

Когда я позвонила Ксении, чтобы договориться о встрече, она сказала:

– Вы должны помнить, что пишете об уникальной женщине... Мама – эталон! Она женщина до мозга костей, женщина от Бога. И все мои подруги завидуют тому, какие у нас с ней близкие, дружеские отношения. Она – потрясающая мать. Это самая большая удача, выпавшая мне в жизни, что я родилась именно у нее. И очень бы хотела стать такой же матерью для своих детей.

– Но сама мама хочет, чтобы ее воспринимали прежде всего как актрису...

– Потому что настоящая женщина должна быть еще и талантливой актрисой. И мама безумно талантливая и очень тонкая актриса. В нашей стране за годы тоталитаризма сложилась определенная приверженность к типу социальных героинь – женщин, которых можно встретить по соседству или за прилавком соседнего продмага. Мама же относится к категории актрисы-мечты, актрисы-идеала, который, кстати, очень любит публика, именно потому, что в повседневной жизни таких женщин почти не встречаешь... Во всем мире умеют ценить эту самую красоту, тонкость и изящество. На Западе культивировались Катрин Денёв, Роми Шнайдер – блестящие актрисы-женщины. Да, у них актерское мастерство, техника, но самое главное, что сыграть невозможно, – излучение, дыхание женственности, а это Божий дар. Именно

все испытания, остались вместе, чтобы быть счастливыми.

Сергей помог ей преодолеть психологические рифы развода и поверить

– Если бы вы знали, какое счастье для меня работать в этом театре! С этими удивительными актерами и режиссером, в красивейшем истори-

Фото Бориса КРЕМЕРА
и из архива Ирины АЛФЕРОВОЙ

Изгнание

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

■ Галина ВИШНЕВСКАЯ

Книга «Галина. История жизни» впервые была издана на английском языке в США (1984), а затем на русском в Париже (1985), она переведена на 15 языков, получила ряд литературных премий.

Успех книги не случаен. Имя ее автора – Галина Вишневецкая – широко известно и почитаемо во всем мире. Два десятилетия Вишневецкая была первой певицей Большого театра, а значит – страны. Ей посвящали свои произведения Дмитрий Шостакович и Бенджамин Бриттен. Дуэт Вишневецкая – Ростропович – явление высшего порядка. На самых престижных сценах Вишневецкая – желанный гость. Счастливая! – остается сказать?

Но горестно твердо звучат с супер-обложки парижского издания ее слова: «Советская власть мне ничего не дала бесплатно». Увы, так. И книга «Галина. История жизни» – совсем не об успехах, хотя и о них. Она очень драматична, хотя в ней много светлых, даже веселых страниц. Это рассказ о судьбе таланта в нашей истерзанной и истрадавшей стране, о цене, которую приходится платить за то, чтобы оставаться художником, просто человеком. Вишневецкой известна эта цена – за право жить и поступать согласно своим принципам: изгнание... Она сама заплатила эту цену в 1974 году.

Неожиданное знакомство

Иногда известных артистов приглашали на приемы иностранных делегаций в качестве гостей, и на одном таком приеме в ресторане «Метрополь» в апреле 1955 года была и я – естественно, без мужа. Мы сидели за столиком своей компанией. Вдруг подходит какой-то молодой мужчина, здоровается со всеми. Меня спрашивают: «Вы не знакомы?» – «Нет». – «Так познакомьтесь – это виолончелист Мстислав Ростропович, а это – новая звезда Большого театра Галина Вишневецкая». Он сел за наш стол, я с кем-то болтала, на него не обращая никакого внимания. Имя его я слышала в первый раз – да еще такое трудное, я его сразу и забыла. Он рассказывал какие-то смешные истории, потом смотрю – яблоко от него ко мне через весь стол катится (как Парис в «Прекрасной Елене» – «Отдал яблоко он ей...»). Я собралась уходить домой, молодой человек вскакивает:

– Послушайте, можно мне вас проводить?

– Проводите, я здесь близко живу, угол Столешникова и Петровки.

Пошли мы мимо Малого театра, мимо Большого – погода чудесная, уже тепло. Дошли до моего дома...

– Знаете, я должен был идти на день рождения к моим друзьям, но после нашей встречи и прогулки мне куда идти не хочется.

У меня его слова в одно ухо влетели, в другое вылетели – я каждый день такое слышала.

– Можно, я подарю вам эти конфеты? И протягивает мне большую коробку шоколада.

– Да зачем? Оставьте себе, я его никогда не ем.

– Ну прошу вас, мне это очень важно.

Взяла коробку, попрощалась с ним, поднялась к себе домой. Марк спрашивает:

– Откуда у тебя эти конфеты?

– Один музыкант подарил.

Никакого значения я этой встрече не придавала. А конфеты Марк съел.

К тому времени я была замужем уже десять лет. С семнадцати лет работая на сцене, окруженная поклонниками, я привыкла воспринимать мужчин как не-

Мстислав Ростропович и Галина Вишневецкая, 1965

кий обязательный и привычный фон: они существовали для того, чтобы дарить цветы, говорить комплименты после спектаклей или оглядываться на меня на улице – артистке необходимо окружение почитателей ее таланта. А в последние годы я была настолько увлечена театром и полна творчеством, что вообще ничего не видела вокруг себя. С Марком отношения наши к тому времени уже определились: и ему, и мне было ясно, что разрыв неминуем, но пока мы, как старые друзья, жили под одной крышей.

Вскоре меня вызвали в Министерство культуры и велели заполнить анкету для первого выезда за границу, в Чехословакию, на фестиваль «Пражская весна», где я должна была петь в «Евгении Онегине» и дать несколько сольных концертов.

Первая поездка за рубеж

Интересно, как выдвигали мою кандидатуру. Когда на заседании в Министерстве культуры зашел обо мне разговор, кто-то высказал сомнение, мол, первый раз выехать, молодая, – может, не потянет на «Пражскую весну»... Тогда встал один из начальников отделов, В. Бони, и сказал:

– Не знаю, потянет ли Вишневецкая на «весну», но весной на Вишневецкую тянет!

После столь веского аргумента было принято решение послать меня в Прагу. Эта острота долго гуляла по Москве. (Когда мы поженились, Слава послал Бони бутылку «Вишневки» и на этикетке написал: «Если бы не было Бони, не женились бы они».)

Полетели мы в Прагу вместе с артистом нашей оперы Александром Огневцевым.

Привезли нас в гостиницу «Алкрон» и сразу повели в ресторан завтракать. Все советские артисты, приехавшие на фестиваль, были уже там. Ищу свободный столик, чтобы нам с Сашей сесть, как вдруг подлетает ко мне тот самый виолончелист, чье имя я так долго не могла выговорить:

– Здравствуйте, как приятно вас видеть, вот у нас тут как раз есть свободное место – садитесь, пожалуйста...

(Он знал, что я прилетаю, и держал это место для меня.)

Не успела я оглянуться, как уже сидела за столом с ним рядом.

– Да я не знаю... а где же Саша сядет?

– Саша за другой стол сядет.

И сыплются на меня градом какие-то его идеи, распоряжения... Только тут я толком-то и разглядела его – худощавый, в очках, очень характерное интеллигентное лицо, молодой, но уже лысеет, элегантно... Как потом выяснилось, узнав, что я лечу в Прагу, он взял с собой все свои пиджаки и галстуки и менял их утром и вечером, надеясь произвести впечатление.

Весь в движении, порывистый, сыплется остротами, а глаза – вразрез с внешним поведением – внимательные, будто два человека в нем: один всеми силами старается понравиться, другой за ним наблюдает и его стесняется.

Обращаюсь к нему:

– Мел... Мл... Извините, трудно выговорить ваше имя...

– А вы зовите меня просто Славой. Можно мне вас Галей звать?

– Хорошо, зовите Галей.

А я не привыкла к такому обращению, уже много лет меня зовут только Галиной Павловной. Не знаю, как и реагировать. Для всех моих знакомых мужчин я прежде всего известная певица; все мои взаимоотношения с ними – цветы и комплименты после спектаклей, и меня они воспринимают такой, какой видят на сцене, кому аплодируют. И вдруг – этот Слава обращается со мной, как с девочкой!

А он и воспринял меня так. Из-за того, что он никогда меня не видел на сцене, я была для него не взбалмошной, капризной примадонной, а просто молодой женщиной, и со всей свойственной ему непосредственностью он кинулся за мной ухаживать. Ни мой жизненный опыт, ни моя восходящая слава его не интересовали. Это и странно мне было, но и впечатление произвело особое – непривычной для меня естественности и искренности.

Вышли мы с ним на улицу, возле отеля – женщина с полной корзиной ландышей. Он всю охапку вынимает – и мне в руки!

– Что вы сегодня делаете?

– Сейчас иду на репетицию в театр. И вечером тоже. А завтра Саша Огневцев поет «Бориса» – пойду его послушать.

– Ах, я бы пошел с вами вместе, но я целый день сегодня и завтра сижу в жюри конкурса виолончелистов.

– Так завтра утром увидимся. Спасибо за цветы. До свидания.

Репетиции, спектакли – и возле меня то появляется, то снова исчезает человек с каким-то бешеным мотором внутри, не успеваю разобраться, что со мной происходит, но иду ему навстречу...

Зашел ко мне в комнату, сел за рояль, играет...

– Как жаль, у меня концерт за городом, и я не услышу вас сегодня в «Онегине» – наверное, вы чудная Татьяна...

И вдруг!.. Выскочил из-за рояля и опустился на колени! Я растерялась. Может, превратить все в шутку?

– Простите, я еще в Москве при нашей первой встрече заметил, что у вас очень красивые ноги, и мне хотелось их поцеловать. Я иду – вам скоро в театр... До завтра! После спектакля зашел Саша (он пел Грёмина):

– Ну что я тебя так редко вижу – пойдем погулять завтра.

– Пойдем, часов в пять.

(Слава мне потом рассказал, что Саша попросил его разбудить в пять часов, потому что мы с ним собрались выйти погулять.)

В половине пятого Слава заходит ко мне:

– Пойдемте погуляем, чудная погода. Вы никогда не были в парке на горе?

– Я обещала Саше пойти с ним, и мне неудобно, он обидится.

– Ваш Саша спит, как медведь в берлоге, – если его не разбудить, он не проснется до утра.

– Не говорите глупостей.

– Давайте договоримся: мы поступим ему три раза, и если он не проснется – это судьба, и вы пойдете со мной.

Подошли к двери, он постучал три раза (конечно, мог бы и погромче, но я не настаивала) – никакого ответа, Саша спит!

Схватил меня за руку – и бегом на улицу.

Никогда и ни с кем мне не было так легко и просто. Он мне рассказывал о своей матери, сестре, как будто мы знакомы уже очень давно. И какой молодой! – хоть мы и одногодки, а мне он кажется совсем мальчишкой. Сошли с дорожек, попали в густую чащу, впереди – высокая каменная ограда.

– Придется возвращаться, Слава, искать дорогу.

– Зачем возвращаться? Полезем через стену.

– Как – «полезем через стену»? Я не могу... Мне неловко...

– Почему? Я вас сейчас подсажу, вы влезете на стену, потом сам перелезу и с той стороны вас поймаю.

Этого еще не доставало! Но что делать? – лезу наверх... стараясь не терять величия и собственного достоинства, а он уже с другой стороны кричит мне:

– Прыгайте!

– Куда же прыгать – смотрите, какие во круг лужи и грязь!

– Да, в самом деле, я и не заметил... Да ничего, я вам свое пальто подстелю!

И летит его пальто в лужу! Не заметили, как подошло время ужина – надо возвращаться. Бежим по улице:

– Смотрите, Слава, соленые огурцы! Жаль, что магазин закрыт.

– А вы любите соленые огурцы?

– Обожаю.

Прибежали в отель, сели за стол, делаем вид, будто только что внизу встретились, – ведь, не дай бог, что-нибудь заметят: моральный облик советского человека опозорили, амурсы завела, да еще в первой зарубежной поездке. Если узнают, больше за границу не выпустят. Появляется мой телохранитель, Александр Павлович Огневцев, – действительно заспанный, как медведь из берлоги.

– Ну куда же ты делась, я тебя везде ищу. А ты что же меня не разбудил?

так просил взять для него деньги, меня о них в Милане даже и не спросил. Не знал! Забыли его предупредить, что ли? Короче говоря, уразумев, что я уже в Италии и что лучше со мной не связываться, побежала Катерина обивать пороги по верхам, и бойкот прессы на время итальянских гастролей был прекращен. В советских газетах были перепечатаны восторженные рецензии итальянцев на «Онегина» с моим участием, а в «Известиях» от 1 ноября даже поместили такую фразу: «...все итальянские газеты обошла фотография Г. Вишневецкой, рецензенты называют ее лучшей певицей нашего времени». Это было последнее, что прочли обо мне в советской печати граждане России. С тех пор меня упомянули лишь раз в тех же «Известиях» 16 марта 1978 года, когда указом Президиума Верховного Совета СССР нас лишили гражданства.

Наконец дошло уже до того, что мы приняли приглашение Московского театра оперетты для постановки «Летучей мыши» Штрауса. Весь свой талант, все, что застоялось в нем, не находя выхода, вложил Ростропович в эту свою работу и с утра убежал в театр. Я же так на сценические репетиции и не вышла – мне все казалось, что это напрасный труд, что что-то произойдет и дирижировать спектаклем ему в Москве не дадут, будь то хоть оркестр цирка. Но, чтобы не лишать его энтузиазма, я ему, конечно, не говорила правду, почему я все не начинаю репетировать на сцене. Иногда я сидела в зале, слушая, как он из оркестра полупарализованных пытается создать шедевр. Что и говорить, конечно, они с ним играли так, как никогда ни до него, ни после, но ведь, как бы они ни старались, это все равно был низкий уровень, куда опустился великий музыкант, и видеть это было выше моих сил. Он, конечно, сам понимал, что падает на дно, но никогда не признался мне в этом, может быть, из-за мужского самолюбия, что я оказалась права, когда предсказала ему все, что с ним случится. Он только стал замыкаться в себе, что ему было совсем не свойственно, и появился у него растерянный взгляд, опустились плечи... Больше всего он не хотел, чтобы именно я видела его в унижении.

Здание Театра оперетты – бывший филиал Большого театра – находится от него буквально в ста метрах, и как-то после своей репетиции «Игрока» я зашла за Славой, чтобы вместе идти домой. Меня встретила в дверях секретарша.

– Галина Павловна, я сейчас позвоню Мстиславу Леопольдовичу, он просил ему сказать, когда вы придете.

– Да не беспокойтесь, я сама к нему пойду.

– Нет, он просил, чтобы вы здесь подождали.

– Да где же он? Что случилось?

– Он в буфете.

– Ну так я туда и пойду, покажите мне дорогу.

– Но Мстислав Леопольдович просил, чтобы...

Да, конечно, Ростропович не хотел, чтобы жена видела его в таком убожестве. Маленькая грязная комната в подвале без окон, грязные столы, под потолком тусклая, засиженная мухами лампа, очередь... в хвосте ее стоит Слава... и даже ни с кем не разговаривает. Несмотря на то что довольно много народу – тишина как в могиле. Когда я увидела его согнутые плечи и отсутствующий взгляд, мне стало страшно. Куда же делся блестящий Ростропович, каким я знала его столько лет, и чем все это кончится?

– Ах, ты пришла...

– Да, у меня кончилась репетиция, пойдем домой отсюда.

Трудно предугадывать дальнейший ход событий, но тут случилась совершенно непредвиденная история.

В Большом театре обступили меня артисты оркестра:

– Галина Павловна, почему вы отказались писать «Тоску»?

– Запись «Тоски»?!

– Да. Мы сейчас пишем оперу на пластинку. Нам сказали, что вы не хотите, и потому пишет Милашкина. Но это же ваша коронная партия!

– Да я никогда не отказывалась, я в первый раз об этом слышу!

Едва я пришла домой, звонит из студии грамзаписи одна из музыкальных редакторов.

ИЗ АРХИВА АВТОРА

– Галина Павловна, не отказывайтесь от записи. Вы же знаете, что, если мы сейчас сделаем пластинку, больше «Тоску» на нашей с вами жизни писать уже не будут. Ведь Милашкина записала несколько лет назад, это будет вторая. Поверьте моему опыту, третьей записи «Тоски» в Советском Союзе не будет.

– Так я совсем не отказывалась!

– Но нам так сказали...

И началось... Звонят артисты, хористы... Если бы не эти бесконечные вопросы и звонки, я бы никогда и не «взвилась». Черт с ней, с записью, мне было в те времена уже не до того. Но тут забурлил коллектив, и дело касалось моего престижа, моего положения примадонны театра.

Вместе со Славой мы пришли к Фурцевой. Несмотря на то что было лишь два часа дня, Катерина была уже как следует «подавша» – и лыка не вязала.

– Катерина Алексеевна, я прошу вас вмешаться, я не требую, чтобы вы отменили запись Милашкиной. Я прошу дать мне разрешение на параллельную запись «Тоски» с другим составом солистов.

– Хорошо, клянусь честью... я все улажу... Славочка, как поживаете?

– Катерина Алексеевна, – попытался Слава пробиться к ее сознанию, – вы понимаете, в каком я положении? Ведь у Гали из-за меня все неприятности, мне так важно, чтобы вы помогли.

– Клянусь честью... – провякала Катя и, икнув, клюнула носом.

– Гали, но она же вдребезину пьяная, она спит.

– Тише, Слава!

– Да она ни черта не слышит... Катерина Алексеевна!

– А? Что? Ах, да, конечно, вы должны записать «Тоску», я понимаю и клянусь честью... я все улажу...

С тем мы от нее ушли. А через два дня она позвонила мне домой и сказала, что две записи «Тоски» разрешить не может, что это против всяких правил... Взбешенная, я бросила трубку, не желая больше с нею разговаривать. Слава тут же позвонил в ЦК Демичеву – он возглавлял отдел, занимающийся вопросами культуры, но тот оказался на совещании, и Слава попросил его секретаря, когда Пётр Нилыч освободится, немедленно соединить его по телефону со мной по очень важному делу. Сам же Слава тут же улетел в Молдавию на концерт.

К концу дня Демичев мне позвонил. Я была уже на таком взводе, что тут же разрыдалась.

– Галина Павловна, что случилось?

– Пётр Нилыч, я впервые за всю мою карьеру вынуждена обратиться за помощью.

– Успокойтесь, прошу вас, и расскажите, что произошло.

– Мне не дают записать на пластинку «Тоску».

– Вам?! Кто не дает? Вы, такая певица, и вы плачете... Да они должны за честь считать, что вы хотите делать пластинки.

От этих слов я заревела еще пуще и рассказала всю злосчастную эпопею, прося разрешить параллельную запись с другим составом.

– Но что за глупая история? Вы говорили с Фурцевой?

– Да, говорила, и она не разрешила.

– Ничего не понимаю. Я вас прошу побить дома, не уходите никуда, вам сейчас позвонит Фурцева.

Думаю, что огрел он Катерину здорово, потому что не прошло и пяти минут, как она мне позвонила. Слезы у меня уже высохли, и я была злая, как ведьма.

– Галина Павловна, что произошло, как вы себя чувствуете?

– Плохо себя чувствую.

– Но почему? – удивилась Катя.

– Вы еще спрашиваете почему? Потому что мне запрещают сделать запись оперы.

– Но кто же запрещает? – уже в совершенном изумлении воскликнула Катерина.

– Вы запрещаете! Вы забыли, что ли?

– Но вы же не так поняли, я не запрещала. Работайте спокойно, не волнуйтесь, я сейчас распоряджусь.

Едва я положила телефонную трубку, как звонит Пахомов – директор студии грамзаписи «Мелодия».

– Галина Павловна! Пахомов говорит. Значит, пишем «Тоску». Нужен состав солистов. Кто Каварадосси?

– Соткилава, а на Скарпия нужно пригласить Кленова.

– Та-а-а-а... Хорошо... Когда начнем?

Я поняла, что машина заработала и нужно не дать ей остановиться, немедленно начать запись. Была пятница, и за выходные дни мои дорогие коллеги не успеют мне нагадить, все учреждения закрыты.

– В следующий выходной театра – в понедельник.

– Но в понедельник вечером уже назначена запись «Тоски» с той группой.

– Так мы будем писать утром, мы им не помешаем.

– Но Эрмлер не сможет дирижировать утром и вечером.

– А нам и не нужен Эрмлер, Ростропович будет дирижировать.

– Ростропович?! Вот это здорово! Но ему же нужны репетиции – он «Тоской» в Большом театре не дирижировал.

– Мы с ним несколько раз ее играли на гастролях, ему репетиции не нужны.

– Прекрасно! Дирижер – Ростропович, Тоска – Вишневецкая. Это же запись будет на весь мир!

И на этой ликующей ноте разговор был окончен.

Я тут же позвонила Славе в Кишинёв, рассказала ему, как мил со мной был Демичев, что запись назначена на следующий понедельник и что он будет дирижировать. Слава, счастливый тем, что все так хорошо окончилось, послал Демичеву телеграмму, такую любовную, как мне в наш медовый месяц.

В понедельник утром мы не подходили к телефону, боясь услышать, что запись отменена, и в 10 часов явились в студию. Артисты оркестра встретили Славу с распростертыми объятиями, все поздравляли друг друга с появлением у них снова музыканта такого ранга, и мы за три часа записали почти весь первый акт.

Конечно, возвращение Ростроповича к оркестру Большого театра рассматривалось всеми как его полная реабилитация, да, вероятно, так бы и случилось. Но... человек предполагает, а Бог располагает.

Вечером того же дня пришла прощаться Аля Солженицына – она уезжала в Швейцарию к Александру Исаевичу, – прошло уже больше месяца, как он был насильно выдворен из России в сопровождении эскорта гебистов. У меня не было ощущения, что расстаемся навсегда, да и она тоже была уверена, что через какой-то срок все они вернутся домой. Мы сидели в кухне, разговаривая в основном жестами, беззвучно артикулируя губами... Аля пришла с грифельной доской и таким образом задавала вопросы или отвечала и тут же все стирала. Вдруг она пишет: «Вы собираетесь?» Мы со Славой в один голос: «Куда?» Она снова пишет: «Туда». Нам и в голову не приходило! – «Конечно, нет!» После этого Слава ей рассказал, что вроде бы опалу с него сняли, что он снова дирижирует оркестром Большого театра.

А в это время группа певцов: Милашкина, Атлантов, Мазурок, придя на вечернюю запись своей «Тоски», узнали, что утром началась запись той же оперы с другим составом. Казалось бы, ну и делай свое дело, пой как можно лучше, их же не лишили их работы. Но куда деваться от зависти? Нужно было любыми средствами избавиться от опасных конкурентов. Ухватившись, как за якорь спасения, за высланного уже Солженицына и его «Архипелаг ГУЛАГ», пошли они в ЦК партии к тому же Демичеву. В их благородной миссии почуяв хорошую поживу, присоединились к ним Нестеренко и моя бывшая ученица Образцова. Увидев у себя в приемной рано утром караулящих его приход «трех мушкетеров» и двух «леди», Демичев был несказанно удивлен.

– Чем я обязан столь раннему визиту артистов Большого театра?

Первым выступил тенор – Атлантов, хватив сразу с высокой фальшивой ноты.

– Пётр Нилыч, мы пришли к вам по чрезвычайно важному делу, и не как артисты, а как сознательные коммунисты. Мы просим отстранить Ростроповича от оркестра театра.

– А разве он плохой дирижер? Вы имете что-нибудь против него как музыканта?

И он в отдельности каждому задал этот вопрос, на что каждый ответил, что музыкант Ростропович великий и дирижер то же самое.

– Так чем же он вас не устраивает?

– Он поддержал Солженицына своим письмом и тем самым выступил против линии нашей партии... И теперь, когда по иностранному радио передают «Архипелаг ГУЛАГ», мы от имени коллектива и коммунистов Большого театра требуем не допускать Ростроповича к оркестру театра. (Ах, как не повезло им, что был уже не 1937 год!)

Тут уж даже выдавший виды секретарь ЦК по идеологии разинул рот от столь блестящего и хитрого хода и долго пребывал в таком состоянии. Когда же опомнился, то понял, что оставить сей великолепный донос без внимания нельзя: бравада пятерка, имея в руках «козырной туз» – не допустить к оркестру Большого театра врага народа, – победит в другой кабинет по соседству, уже с доносом на него, что у него отсутствует чувство бдительности...

■ Владимир АБАРИНОВ

Тревожной зимой 1928–1929 года в салонах московского демибомонда, который сейчас называется «светской тусовкой» и существует ровно с той же целью, что и тогда, – дабы кумиры публики не отбились от рук, – говорили в основном о двух предметах. Об иномарке, которую Владимир Маяковский привез из Парижа, и о том, что оттуда же он скоро привезет невесту-«белоземлянку». По тем скучным временам иностранная малолитражка, которой обзавелся Маяковский, была то же самое, что белокаменный дворец на Лазурном берегу сегодня – знак несомненного благополучия и благоволения властей.

Обеим обновкам, машине и даме сердца, поэт посвятил стихи.

Довольно я шлепал,
дождь да тих,
на разных кобылах-выдрах.
Теперь
забензиново
шесть лошадей
в моих
четырёх цилиндрах.

Технически точная спецификация: именно четыре цилиндра, именно шесть лошадиных сил было у модели 1925 года Renault NN – «серого реношки». Машину велела ему купить Лиля Юрьевна Брик, которой посвящена практически вся любовная лирика Маяковского. «Очень хочется автомобильчик, – писала она ему перед поездкой. – Привези, пожалуйста! Мы много думали о том – какой. И решили – лучше всех фордик».

Возвращаясь в Москву, Маяковский загодя написал «Ответ на будущие сплетни»:

Не избежать мне
сплетни дрянной.
Ну что ж,
простите, пожалуйста,
что я из Парижа
привез «рено»,
а не духи
и не галстук.

Вот про духи и галстуки покривил душой Владимир Владимирович. «Я постепенно одеваюсь... – писал он из Парижа своей московской музе, – и даже натер мозоли от примерок... Духи послал; если дойдет в целости, буду таковые высылать постепенно». А вот ему от нее: «Рейтузы розовые 3 пары, рейтузы черные 3 пары, чулки дорогие, иначе быстро порвутся... Духи Rue de la Paix, пудра Houbigant и вообще много разных... Бусы, если еще в моде, зеленые. Платье пестрое, красивое, из крепжоржета, и еще одно, можно с большим вырезом для встречи Нового года...» «Спасибо за духи и карандашники. Если будешь слать еще, то Parfums Inconnu Houbigant'a. Целую всю твою щекающую морду. Лиля».

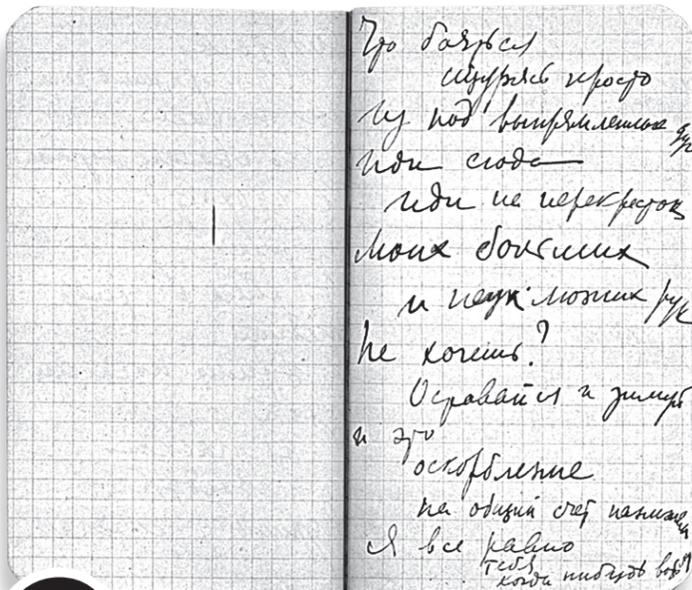
Он и умер в парижской рубашке. И в гробу лежал в рыжих парижских кованных железом башмаках, воспетых Мариной Цветаевой:

В сапогах – двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмещивался жилотдел –
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес – и брал – и клял – и пел...

(По наивности Марина Ивановна, писавшая этот реквием в Савойе и составившая представление о картине похорон по газетным отчетам, решила, что обувь на покойнике отечественного производства: «На донбассовских, небось, гвоздях...»)

Еще точнее, чем описание машины, было описание парижской пассии. Никогда не укрывавшийся за псевдонимами, Маяковский и ее назвал настоящим именем – Татьяна Яковлева. На бумаге адресованное ей стихотворное письмо опубликовано было лишь в 1956 году, да и то в Америке, в недоступном советским читателям журнале. Однако Маяковский читал его в компаниях, и повесть о заграничном романе поэта будоражила тусовку не меньше заграничного автомобиля, в устах завистливой молвы превратившегося в «роллс-ройс».

Лиля Брик сделала все, чтобы вытравить память о Татьяне Яковлевой, в чем встречала полное понимание советского агитпропа: у певица Октябрьской революции не должно было быть возлюбленной в буржуазном Париже. Между тем в ее судьбе столь ярко и при-

Маяковский был мужчиной неотразимого сексуального обаяния. По крайней мере, в глазах Татьяны Яковлевой, с которой он познакомился в Париже. Там она поначалу работала в фотоагентстве, позируя для модных журналов (внизу)

Один или вдвоем в Париже

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЮБОВЬ МАЯКОВСКОГО: КТО ПОМЕШАЛ ЕМУ СДЕЛАТЬ ШАГ, СПОСОБНЫЙ ИЗМЕНИТЬ ВСЬ ХОД ЕГО ЖИЗНИ?

чудливо отразилась немыслимая эпоха, в которую ей довелось родиться, что, право же, она заслуживала бы отдельного рассказа, даже если бы в ее жизни и не было краткого романа с поэтом.

Потомок Чингисхана

Она всерьез считала себя потомком Чингисхана и числила среди своих предков Кублай-хана, Тимура и Бабура. Спорить с этим невозможно. Чингисхан так Чингисхан. Генеалогия – наука, с легкостью доказывающая, что все люди братья. Гораздо с большей достоверностью можно назвать деда Татьяны по материнской линии – танцовщика, а одно время и директора балетной труппы Мариинского императорского театра Николая Сергеевича Аистова. Особо пышных лавров как солист он не нискал, но пользовался спросом как артист миманса, то есть тот, кто сам не танцует, но создает

антураж; его коньком была роль герцога в «Жизели»: у Николая Сергеевича была осанистая повадка и умение производить плавные повелительные жесты. Его дочь Любовь Николаевна была барышней элегантной и кокетливой. В 1904 году она вышла замуж за Алексея Евгеньевича Яковлева – архитектора, чьей специальностью были театральные здания. В 1913-м, когда Татьяне было семь лет от роду, проект ее отца выиграл конкурс на сооружение театра в Пензе. Туда со скрбом, прислужкой и гувернанткой-немкой и перебралось семейство.

Алексей Евгеньевич был личностью неординарной, энтузиастом научно-технического прогресса, автомобилистом и авиатором. В 1914 году он купил аэроплан, назвал его Mademoiselle и стал рассекать на невиданном аппарате небесные просторы в пензенских окрестностях, чем навлек на себя недовольствие местных крестьян, жаловавшихся начальству, что отчаянный летчик пугает коров на пастбищах, отчего у них скисает молоко. Однако брак вскоре распался. Любовь Николаевна с двумя дочерьми на руках вышла замуж за процветающего фармацевта Василия Кирилловича Бартмера, который после революции разорился до нитки, а в 1921 году умер от туберкулеза. Любовь Николаевна перебивалась из куля в рогожу – она открыла школу танцев. Квартиру

уплотнили, оставив бывшей владелице одну комнату. Фамильной мебелью, как повсюду тогда в России, топили, чтобы не околеть зимой, печку, а что уцелело, продавалось вместе с постельным бельем и столовым серебром на толкучем рынке. В 14 лет у Тани обнаружился неожиданный талант: она сотнями строк запоминала стихи и стала зарабатывать свою толику пропитания, стоя на перекрестке оживленных улиц и декламируя на потеху прохожим Пушкина, Блока, Лермонтова и Маяковского.

В 1922 году мать в третий раз вышла замуж, а у Тани открылся туберкулез – не исключено, что она заразилась от покойного отца. Доктора советовали, если есть хоть малейшая возможность, ехать в Европу. Хотя в Париже к тому времени осели близкие родственники по отцовской линии – бабушка, дядя и тетка, – выезд из Советского Союза был делом в высшей степени сложным. Но у родственников были связи; бумаги для Татьяны оформлял могучий и влиятельный промышленник Андре Ситроен. В 1925 году 19-летняя Таня приехала в Париж – из вагона на перрон сошла «прелестная немая дикарка», как выразился один из встречавших.

Что значило для юной пензенской провинциалки, измученной ежедневной борьбой за кусок хлеба, оказаться в одном из величайших городов мира в комфорте и неге? Об этом лучше всего говорит ее письмо матери. Таня пишет, что поселили ее у бабушки в квартире на Монмартре, что в квартире есть ванная комната, а в ней из крана течет горячая вода, а на кухне стоит чудесная газовая плита, а еще там есть телефон и окна от пола до потолка, в которые видно Эйфелеву башню, а бабушка приносит внучке

какао в постель и не разрешает подыматься раньше 11 часов. Это был просто рай, сказочный подарок судьбы.

Парижская родня Тани существовала отнюдь не на обочине общества. Ее дядя Александр (Саша) Яковлев был блистательным художником, путешественником и неутомимым донжуаном, обеспечившим себе финансовую независимость и прочный социальный статус. Он помог перебраться во Францию своим матери и сестре из Константинополя, куда обе эвакуировались вместе с остатками Белой армии (муж сестры, офицер, был убит матросами в Кронштадте). Сестра Александра, Сандра Яковлефф, тетка Татьяна, стала певицей, солисткой Парижской оперы, и как раз в 1925 году, за несколько месяцев до приезда племянницы, дебютировала в заглавной партии в «Аиде».

Неустанными заботами родственников туберкулез отступил. Было бы большим преувеличением сказать, что юная русская красавица покорила Париж с первого шага. Там и не таких видали. Пусть даже алмаз идеально чистой воды – он тем более нуждается в огранке и полировке. Дядя Саша взял опеку над «немой дикаркой» – именно он так назвал Таню. Как профессор Хиггинс Элизу Дулиттл, он учил ее правильно говорить и держать за столом, водил в музеи, дал понятие об истории европейской живописи и архитектуры, заставлял читать Стендаля и Бальзака, прививал вкус, а когда его посев дал первые всходы, пристроил в рекламное фотоагентство – Татьяна позировала в мехах, ювелирных украшениях и нижнем белье для журналов мод. В 21 год она закончила парижскую Ecole de Couture, примерно равнозначную московскому Строгановскому училищу, и нашла себе занятие по специальности, способное худо-бедно прокормить ее, – она стала шляпницей, дизайнером дамских шляп, фасоны которых часто рождались в ее воображении после созерцания полотен Кранаха и Вермеера. Постепенно она вошла в парижский артистический круг, стала водить компанию с Сергеем Прокофьевым, Жаном Кокто и Марком Шагалом. Вместе с тем в письмах матери она жалуется на невыносимую скуку парижского «света» и свое одиночество.

Именно в этот момент она и познакомилась с Маяковским.

Вол и Таник

У Михаила Зощенко есть рассказ «Западная», в котором выведен пролетарский поэт, отправившийся в Европу «для оздоровления с буржуазной культурой и для пополнения недостающего гардероба»: «Ну, конечно, говорит, – громадный кризис, безработица, противоречия на каждом шагу. Продуктов и промтоваров очень много, но купить не на что». Трудно не увидеть в рассказе пародию на заграничные впечатления Маяковского, который в стихах вскрывал противоречия «города контрастов».

В сущности, «Стихи о советском паспорте» следовало бы назвать «Стихи о советском загранпаспорте». Не только потому, что это следует из самой описанной ситуации, но и потому, что внутренних общегражданских паспортов в год написания стихотворения – 1929-й – в Советском Союзе еще не было. Постановление ЦИК о введении паспортной системы было издано лишь в декабре 1932 года. Маяковский, несомненно, дорожил своим выездным статусом, это была привилегия очень немногих; вспомним, как рвался за границу Михаил Булгаков, но так и не получил разрешения. Как в свое время Пушкин. Сегодняшним молодым людям этого не понять. Они не помнят, что было время, когда из страны за границу выпускали лишь лояльных граждан, что для отца перестройки Михаила Горбачева «закон о выезде» был едва ли не последним бастионом в борьбе за полномочия верховной власти.

Впервые Маяковский поехал за границу в 1922 году, сразу же после благожелательного отзыва Ленина о стихотворении «Прозаседавшиеся». В Париж он влюбился с первого взгляда. Трудно судить о степени искренности стихов и фельетонов, обливающих буржуазную действительность и сатирически изображающих русскую эмиграцию. Худож-

ник Юрий Анненков, встречавшийся в Париже с Маяковским и саркастически прокомментировавший его парижский цикл, считал эти сочинения данью за возможность ездить за рубеж. И утверждал, что знаменитые строки «я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва» таят в себе двойной смысл: мол, поэт подразумевал, что Москва приказывает ему вернуться, чего он никогда не сделал бы по доброй воле.

Осенью 1928 года (Маяковский приехал в Париж 15 октября из Берлина) его переводчиком и гидом, как и прежде, была младшая сестра Лили Брик Эльза Триоле (в парижском цикле нашлось место и для нее: «...со мной переводчица-дура щебечет бантиком-ротиком»). Если за публичным поведением Маяковского приглядывали сотрудники посольства, то Эльза по поручению сестры бдительно следила за его частной жизнью. Как раз в этот визит и у тех, и у других были основания для беспокойства: в Ницце отдыхала американка Элли Джонс со своей двухгодовалой дочерью, которую она зачала и родила от Маяковского во время его пребывания в США. Она привезла дочь специально, чтобы показать ее Маяковскому. Маяковский отправился в Ниццу один. Эльзой и Лилей овладела сильнейшая тревога. Еще не зная, что свидание прошло неудачно, они решили подстраховаться, отвлечь его от Элли Джонс романом с другой дамой. На роль этой приманки Эльза и выбрала Татьяну Яковлеву.

«Татьяна, – пишет Триоле в своих воспоминаниях, – была в полном цвету, ей было всего двадцать с лишним лет, высокая, длинноногая, с яркими желтыми волосами, довольно накрашенная... В ней была молодая удаль, бьющая через край жизнеутвержденность, разговаривала она, захлебываясь, плавала, играла в теннис, вела счет поклонникам...» И еще: «...годы, проведенные в эмиграции, слиняли на нее снобизмом, тягой к хорошему обществу, комфортабельному браку. Она пользовалась успехом, французы

Лилия Брик с 1915 года была единственной музой поэта – пока Маяковский не посвятил два стихотворения Татьяне Яковлевой

падки на рассказы эмигрантов о переезде, для них каждая красивая русская женщина-эмигрантка в некотором роде Мария-Антуанетта...»

По словам Эльзы, она познакомилась с Маяковским «для смеха», а кроме того, потому, что у нее бурно развивался собственный роман с писателем Луи Арагоном и ей было недосуг сопровождать московского гостя. Операция была разработана блестяще: узнав, что в день возвращения В.В. из Ниццы, 25 октября, Татьяна должна посетить известного парижского терапевта, Эльза записала Маяковского на прием к тому же доктору на тот же день и час. В приемной врача произошла первая встреча. Маяковский, по словам Яковлевой, был сражен любовью наповал. Он отвез ее домой на такси, закутав ее колени своим пальто, и на лестничной клетке перед дверью бабушкиной квартиры будто бы на коленях объяснился в любви.

Татьяна была потрясена. В письме к матери она называет его «абсолютным джентльменом», а дочери впоследствии говорила, что Маяковский был мужичиной неотразимого сексуального обаяния. Впрочем, никакого интима между ними не было: Таня была воспитана в этом отношении строго и намеревалась остаться девицей до брака. Они встречались каждый день вплоть до 3

декабря – дня, когда истек срок действия его визы. Она поразила его своим знанием русской поэзии, в том числе его собственных стихов. Днем она помогала ему делать закупки по списку Лили Юрьевны, а вечера они проводили в ресторанах, вскоре превратившись в «звездную пару» парижского общества.

«Роман их проходил у меня на глазах и испортил мне немало крови», – пишет Эльза. По ее версии, Татьяна заблуждалась относительно подлинного смысла происходящего: «Откуда ей было знать, что такое у него не в первый раз и не в последний раз? Откуда ей было знать, что он всегда ставил на карту все, вплоть до жизни? Откуда ей было знать, что она в жизни Маяковского только эпизодическое лицо?»

Молва о новой подруге Маяковского достигла Москвы. Лилия Юрьевна озабочилась проблемой всерьез. Ее сексуальные отношения с Маяковским прекратились несколько лет назад («Вот и любви пришел каюк», – написал он в 1924 году; она датирует разрыв 1925 годом). Однако Маяковский был главным добытчиком в «семье» из трех человек. В письме к Эльзе она требует представить ей самые точные и полные сведения об «этой женщине, по которой Володя сходит с ума... и которая, как говорят, падает в обморок при слове merde».

Особенно Лилию должно было потрясти известие о том, что Маяковский в Париже написал два стихотворения, посвященных Яковлевой. Такого еще не было. Лишь в поэме «Облако в штанах» фигурирует другая женщина – Мария (Мария Денисова), но после знакомства Маяковского с Лилей Брик в июле 1915 года – только она. Мало того: вернувшись в Москву, Маяковский считает возможным читать стихи, адресованные другой женщине, в компаниях. Стихи эти должны были убедить Лилию: парижская пассия – не «эпизодическое лицо».

В советской школе нас учили, что два этих стихотворения – шедевры русской любовной лирики. Может, и так. На любителя. Отлично сказано, например, вот это:

*Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.*

Но меня, советского десятиклассника, удручал в них «классовый подход»: ну почему, спрашивается, в поцелуе любимых «красный цвет моих республик тоже должен пламенеть»? И ведь повернулся у него язык попрекнуть любимую эмиграцией, будто не знал, что и она в своей Пензе натерпелась и голода, и холода:

*Не тебе,
в снега
и в тишь
шедшей
этими ногами,
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.*

Нефтяники эти – конечно же, не работники из Нижневартовска, а нефтяные магнаты, прожигающие жизнь в парижских вертепах. (Фактически он обвиняет возлюбленную в проституции. Сразу вспоминается другой его опус, «Парижанка», – о служительнице туалета в ресторане Grande-Chaumiere, где он не раз бывал с Татьяной; а именно – угрожающее резюме: «Очень трудно в Париже женщине, если женщина не продается, а служит»). Лилию же Юрьевну должны были в первую очередь насторожить вот эти строки:

*Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму –
одну
или вдвоем с Парижем.*

«В глубине души, – пишет Эльза Триоле, – Татьяна знала, что Москва – это Лилия». Лилия ей была не по зубам. Поэтому переезд в Москву исключался. Значит, переехать должен был он. Записные комментаторы проявили чудеса изобретательности, доказывая, что поэт вовсе не это имел в виду. Но смысл вышеприведенных строк совершенно однозначен. Эта угроза была более чем реальна. Но именно ее реальность и помешала ей осуществиться.

Инцидент исперчен

Он уехал в мрачном настроении – предостояло объяснение с Лилей. Она осталась, придавленная могучей силой его непостижимой личности. «Он такой колоссальный и физически и морально, что после него буквально пустыня... Здесь нет людей его масштаба...» – делится она с матерью, сама не понимая, как ее угораздило полюбить певца кастета и маузера. Он в своих письмах и телеграммах называет ее «Таник», а себя – «Вол». Работы у него и впрямь невпроворот: в театре Мейерхольда репетируется «Клоп», на который он возлагает огромные надежды. «Я совсем промок тоской... Работать и ждать тебя – это единственная моя радость».

Таня пишет взволнованной матери: успокойся, ни в какую Россию я не собираюсь, и вовсе он не возвращается в Париж, чтобы «забрать меня», а просто повидаться. «Не забывай, – добавляет она, – что твоей девочке уже 22 года и что очень немногие женщины были так любимы на протяжении всей своей жизни, как я в своей короткой. (Это то, что я унаследовала от тебя. У меня здесь репутация femme fatale.)» В другом письме матери она пишет, что совершенно не собирается замуж прямо сейчас, что она слишком дорожит своей свободой и независимостью. И наконец: «У меня сейчас масса драм. Если бы я даже захотела быть с Маяковским, то что стало бы с Илей, и кроме него есть еще двое. Заколдованный круг».

Разорвать заколдованный круг Маяковский приехал в феврале, едва дождавсь премьеры «Клопа», на два месяца раньше, чем обещал. И опять ничего не решилось. Все было в точности так же, как в прошлый раз. Не было только одного – последнего, решительного шага. Не решалась она. В апреле у него закончилась виза. Договорились, что он вернется в октябре, а она до этих пор обдумывает, принимает ли она его предложение руки и сердца. Прощальный ужин с друзьями в Grande Chaumiere и проводы всей компанией на Северный вокзал имели все признаки помолвки.

Он не вернулся. Всего вероятнее, мы уже никогда не узнаем, причастна ли Лилия Юрьевна к отказу Маяковскому в выездной визе. Возможности такие у нее были. Но и сами «органы» не слепые. Строчку про «вдвоем с Парижем» они поняли в единственно возможном смысле. 1929 год стал историческим рубежом – то был год «великого перелома», год единоличного воцарения Сталина, ликвидации НЭПа, начала сплошной коллективизации, уничтожения кулака как класса; он стал также переломным в личной судьбе поэта – Маяковский чувствовал, что впал в немилость, но не понимал почему. Не помогли и «Стихи о советском паспорте», написанные для «Огонька», но опубликованные лишь после смерти автора – парадокс их в том, что сочинил их Маяковский не по случаю получения загранпаспорта, а в тщетной надежде его получить. Он долго не верит в случившееся, ищет боковые ходы – бесполезно.

Решив, что клин клином вышибают, Брики используют то же оружие, каким когда-то стала Яковлева, – спустя две недели после возвращения Маяковского из Парижа знакомят его с красавицей актрисой Вероникой Полонской. Маяковский продолжает писать «любимому Танику», но постепенно страсть к Полонской берет верх. В августе в переписке начинаются сбои – оба жалуются, что не получают ответов на свои послания. Последнее письмо от отчаявшегося добыть визу Маяковского отправлено 5 октября. А в январе от Эльзы пришло известие, что Татьяна вышла замуж. «Точку пули в своем конце» Маяковский поставил 14 апреля.

Осталось непонятно, кому посвящены предсмертные строки:

*Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечную серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить*

и беспокоить...

Каждая из трех возлюбленных – Брик, Яковлева, Полонская – считала адресатом себя...

О том, что Маяковскому не дают визу, Татьяна заботливо сообщила в октябре Эльза Триоле. Всего вероятнее, не преминула рассказать и про новое увлечение В.В. Что ж, Танина жизнь только начиналась. Она приняла предложение одного из поклонников – молодого французского дипломата Бертрана дю Плесси, только что получившего назначение торговым атташе в Варшаву. Там, на четвертом месяце беременности, она и узнала о самоубийстве «абсолютного джентльмена». Через девять месяцев и два дня после свадьбы у Татьяны и Бертрана родилась дочь Франсин, которую мать и русская родня звали Фросей.

Бертран дю Плесси называл себя виконтом, но виконтом не был, хотя и принадлежал к древнему дворянскому роду – молодые дипломаты в то время нередко придумывали себе титул, дабы придать вес своему имени. Милостивый, похожий на звезду немого кино Рудольфа Валентино, музыкант, пилот, знаток антиквариата, дю Плесси был прекрасным человеком, обожавшим свою жену. Но жизнь в провинциальной Варшаве быстро наскучила Татьяне после Парижа. В 1931 году семейство вернулось во Францию, причем Бертран вышел в отставку. О том, почему он бросил карьеру, существует версия, которую Татьяна яростно опровергала: будто бы она желала жить на широкую ногу, одеваться в меха и бриллианты, но скромное жалованье атташе не позволяло таких прихотей; Бертран занялся коммерческим посредничеством и был в конце концов разоблачен. Спустя еще три года семейная идиллия дала основательную трещину: вернувшись домой в неурочный час, Татьяна застала мужа в постели с подружкой – Катей Красиной, одной из трех дочерей бывшего народного комиссара и дипломата Леонида Красина. Брак не распался, но супруги с этого дня стали спать в разных комнатах.

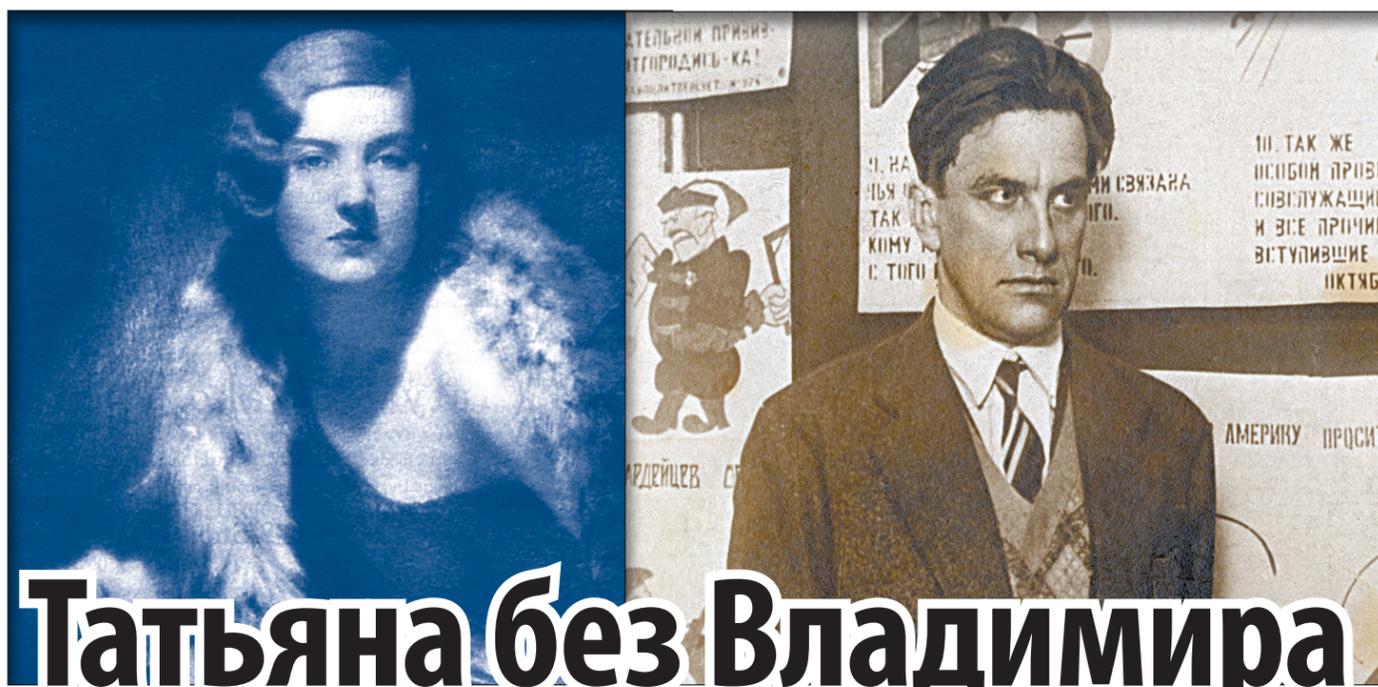
За несколько дней до начала Второй мировой войны Бертран дю Плесси был мобилизован. Как знатока польского языка, его назначили офицером связи в войска, направленные в Польшу. После капитуляции Польской армии 27 сентября союзники эвакуировались через Румынию и Албанию в Бейрут, а оттуда в Сирию. Он вернулся в Париж в феврале 1940 года, больной тифом.

Долгая дорога из Житомира в Лондон

В соответствии с превратностями эпохи складывалась и судьба другого героя этой истории, которому суждено было возникнуть в жизни Татьяны. Его отец Семён Исаевич Либерман вырос на Украине. Его предки, начиная с прадеда, арендовали землю у польского помещика и управляли всем имением; на угожьях этих они выращивали главным образом сахарную свеклу. Владелец земли в поместье никогда не появлялся – говорили, что он сослан в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года. Шестнадцать лет от роду Семён сбежал из дому. Он не хотел быть ни земледельцем, ни раввином. Начитавшись Белинского и Чернышевского, он хотел, как пишет сам, «порвать с затхлостью гетто».

В Житомире он поселился у двоюродного дяди. В этот город тянулось из черты оседлости множество таких же, как он, еврейских подростков, чтобы, перебиваясь с хлеба на квас, сдать экстерном экзамены на аттестат зрелости и выйти в люди. В этой среде шел бурный процесс ферментации политических взглядов, от сионизма до коммунизма. Среди наставников Семёна Либермана были сосланные в Житомир под гласный надзор полиции вождь Бунда Михаил Либер и философ Николай Бердяев, считавший себя в те годы марксистом. В итоге Семён стал адептом социал-демократического мировоззрения. Ему удалось уехать за границу и поступить в Венский университет. Время его учебы совпало с бурными событиями в политической жизни Австро-Венгрии. В 1905 году Либерман вернулся в Россию законченным меньшевиком-плекхановцем, чтобы принять участие в революции.

Он занял видное место в одесской нелегальной организации РСДРП, не раз был на волосок от ареста. Но революция закончилась, и Семён должен был искать себе новое поприще. Он переехал

Татьяна без Владимира

в Киев и по протекции знакомых поступил на службу в компанию, занимавшуюся экспортом древесины. Вскоре он нашел свою новую работу чрезвычайно увлекательной. Оказалось, что при всей важности этой отрасли для экономики России дело ведется без настоящей научной базы, по старинке. Между тем Семён был убежден, что заготовка леса требует точного математического расчета. Благодаря своим разработкам он сделал стремительную карьеру: стал членом правления нескольких лесопромышленных компаний, ездил за границу для изучения европейского рынка древесины, входил в экспертную комиссию лесного департамента Министерства земледелия. Излишне говорить, что он превратился в состоятельного человека и свел близкое знакомство как с представителями высшей царской бюрократии, так и с воротилами частного русского бизнеса.

Сразу же после Февральской революции Либерман написал прошения об отставке всем частным компаниям, в которых значился членом правления, и пошел на работу в экономический отдел Петроградского совета. После большевистского переворота он продолжал работать в советских учреждениях, оставаясь меньшевиком. В ноябре 1918 года Леонид Красин, который сам до революции был крупным предпринимателем, представил Либермана Ленину. Крайне заинтересованный в возрождении лесозаготовок и возобновлении экспортных операций, Совнарком одобрил все предложения собеседника. Вскоре Либерман вошел в новообразованный Главный лесной комитет и в этом качестве регулярно посещал заседания Совета труда и обороны. Для него теперь не был проблемой телефонный звонок Ленину или встреча с ним. Даже его непосредственные начальники Красин и Рыков, бывало, отвечали на какой-либо его вопрос: «Лучше вы сами об этом поговорите с Ильичём: он к вам прислушивается». Семён Исаевич Либерман превращался в видного советского сановника.

Но такую уж, видно, гибкую власть построили большевики: не только народ мучили, но и сами мучились. Личную жизнь Семёна Исаевича, увы, нельзя было назвать благополучной. Он женился еще до революции на даме по имени Генриетта Мироновна Паскар, однако это ее сценический псевдоним, а подлинная фамилия утрачена. Она была эффектной женщиной. Будучи дочерью владельца больших лесных угодий, она училась в Сорбонне; окончив курс, вернулась в Киев и пошла по революционной дорожке, на которой и повстречала Либермана. Параллельно она занималась в театральной студии Всеволода Мейерхольда. В 1912 году у супругов родился сын Саша. Когда дела отца семейства пошли в гору, они переехали в роскошную шестикомнатную квартиру на Невском проспекте. Раннее детство Саши было наполнено всеми радостями, какие только могут предоставить ребенку родители-натуровики.

После революции Генриетта нашла себе подходящее занятие, благо муж ее был вхож в высокие кабинеты. При поддержке Луначарского она открыла в Москве, в Мамонтовском переулке, Государственный

театр для детей. Она ставила западную классику – «Приключения Тома Сойера», «Книгу джунглей», сказки Андерсена. Зал всегда был забит до отказа – билеты были бесплатными.

Однако быт семьи неузнаваемо и необратимо изменился. Только самые высшие вельможи государства рабочих и крестьян не страдали от жилищного кризиса. Либерман в эту категорию не входил. Его уплотнили, превратив квартиру в коммунальную. Соседи попались буйные и запойные. Сын стал отбиваться от рук, водить дружбу с уличной шпаной. Пытаясь наставить Сашу на путь истинный, родители обнаружили, что у него сильнейший невроз. Доктора шепотом рекомендовали «сменить климат». Семён впал в глубокую задумчивость.

В 1920 году была прекращена блокада Советской России, и в Европу отправились первые советские торговые делегации. В числе этих первопроходцев был и Либерман. Пользуясь своими дореволюционными связями, он заключил ряд выгодных контрактов на поставку леса и надеялся, что его заслуги помогут выхлопотать разрешение на выезд для сына. В то время члены семей ответственных работников, командированных за рубеж, оставались дома на положении заложников. Либерман обратился к Алексею Рыкову, занимавшему пост председателя Высшего совета народного хозяйства, но получил от него ответ, что ребенка следует воспитывать не в буржуазных заведениях, а в советской школе. Семён пошел на прием к Ленину. Внимательно ознакомившись с заключением медиков о состоянии здоровья Саши, Ильич сказал, что он лично не возражает – пусть только ЧК даст добро. Но Дзержинский мгновенно и категорически отказал. Либерман поплелся к Ленину вторично. Тот деланно вздохнул – мол, морока с этой Чекой, – на глазах у Семёна снял трубку и позвонил Дзержинскому, после чего объявил, что вопрос будет поставлен на Политбюро. Спустя несколько дней Семён Исаевич получил выписку из протокола заседания высшего большевистского ареопага. Против разрешения на выезд девятилетнего Саши голосовали Дзержинский и Зиновьев, за – Ленин, Рыков и Каменев. В сентябре 1921 года Либерман с сыном отправились поездом в Берлин, а оттуда – в Англию.

Семён поселил Сашу в доме своего друга Леонида Красина, пустившего в Англию прочные корни. «Дом Красина, – пишет Либерман в своих мемуарах «Дела и люди», – был центром, где встречались и его ближайшие сотрудники, и русские эмигранты, и английские дельцы. Любовь Васильевна, жена Красина, умела принимать гостей. Дом был полон молодежи: Красин был третьим мужем Любови Васильевны, и у нее было шестеро детей, из которых трое от брака с Красиным». Этими тремя детьми были три дочери, Люда, Катя и Люба, соответственно 15, 13 и 11 лет. В младшую Саша, переименованный в Алекса, тотчас влюбился, а со средней мы в этом повествовании уже встречались. Алекса определили в школу-интернат; в доме Красиных он бывал лишь по выходным. Спустя год в Лондон приехала его мать. Либерман-младший превратился к

тому времени в законченного английско-го сноба. Придя к ней в отель, он оглядел Генриетту с головы до пят и, покраснев, заявил: «Я не могу обедать с вами в таком виде». Алекса заставил мать смыть с лица весь наложенный густым слоем макияж и надеть простое черное вечернее платье.

Невозвращенец

Осенью 1923 года у Генриетты Паскар возникли проблемы. Она поставила инсценировку «Острова сокровищ». По ходу действия на сцене поднимали британский флаг и провозглашали здравицу королю. Совершенно неожиданно для Генриетты спектакль запретили после двух представлений. Она не могла понять, в чем дело, – еще совсем недавно такие вещи никаких возражений у начальства не вызывали. Но начальство-то как раз сменилось: Ленин окончательно слег, его место занял триумвират Сталин – Каменев – Зиновьев, развернувший борьбу с «уклонистами». Генриетту Паскар освободили от занимаемой должности. В 1924 году она попросила разрешения сопровождать мужа в очередной командировке и получила его. В Россию она больше не вернулась. Генриетта поселилась в Лондоне, на деньги, занятые у делового партнера мужа, сняла чудный дом в Кенсингтоне и превратилась в этуаль известной репутации, а затем перебралась в Париж, где ей удалось открыть театр-кабаре.

Тем временем стала закатываться и счастливая звезда Семёна Исаевича. В свое время Ленин предлагал ему вступить в партию, а Семён по-суворовски ответил: «Большевиками не становятся – большевиками рождаются». Теперь меньшевистское прошлое выходило ему боком. После смерти Ленина Железный Феликс начал охоту за «буржуазными спецами» – они по определению подозревались во «вредительстве». Нет сомнения, что суровая участь ждала Красина, но он как раз тогда тяжело заболел и в ноябре 1926 года умер своей смертью «при нотариусе и врачах». А на Либермана лубянские следователи подготовили обширное досье. Семён Исаевич, обретавшийся в Лондоне на положении полуэмигранта, стал получать настойчивые приглашения в Москву. Вести из России приходили самые неблагоприятные: «Одновременно с телеграммой из Москвы, требовавшей моего приезда, я стал получать тревожные сведения из разных источников. Приезжавшие из Москвы предупреждали меня, что я буду немедленно арестован». К тому времени Семён Исаевич, догадываясь о грядущих переменах, исподволь перевел на Запад все свое достояние. Тем не менее этот идеалист решил вернуться: «Моя общественная репутация была бы запятана навсегда. Моим долгом по отношению к моей семье, к моему единственному ребенку было – вернуться в СССР и защищаться против обвинений».

Вопреки дружным уговорам друзей и деловых партнеров Семён Либерман в октябре 1925 года отправился в Москву. Его не арестовали, но даже в собственной конторе подчиненные избегали его – как прокаженного. ВСНХ теперь возглавлял вместо Рыкова Дзержинский, ничего не понимавший в экономике и страдавший

патологической манией подозрительности в отношении Запада. Дело о вредительстве в лесной промышленности вела специальная следственная комиссия, но Либерману никаких обвинений не предъявляли. Сидя вечерами дома в полнейшем одиночестве и терзаясь мукой неизвестности, Либерман написал докладную записку, содержащую оправдания в предполагаемых преступлениях.

Какие преступления могли вменяться ему? Он был организатором первой в Советской России самостоятельной хозяйственной единицы – треста «Северолес», сам был его директором-распорядителем, а в правление ввел, с разрешения Ленина, бывших крупных лесопромышленников. Бывшие хозяева национализированных предприятий стали их руководителями. В годы НЭПа быстроокупаемая отрасль с выходом на внешние рынки обросла акционерными обществами. Либермана обвиняли в продажах древесины за рубеж по заниженным ценам, в сговоре с посредниками, в отрыве от масс и жизни не по средствам. Семён Исаевич вспоминает, как некий крупный ответственный работник научил его заказывать костюмы из сукна одного цвета, дабы вождям во френчах и шинелях не бросалось в глаза их количество. А ведь у Либермана был, страшно сказать, и смокинг...

Записка его возымела эффект. Получилось как в грустном еврейском анекдоте. Видимо, до записки у следователей не хватало обвинительного материала. Теперь Семёна Исаевича стали вежливо приглашать в ГПУ на «беседы». По ночам.

Вот как описывает беседы сам Либерман:

«Разговор был приблизительно такого характера:

– Ну-с, скажите, товарищ Либерман, вот в вашей записке на странице такой-то сказано то-то, а между тем нам представляется это дело так-то...»

Домой он возвращался на рассвете. Бедный Семён Исаевич считал себя обреченным на заклание. Но вдруг в первые же дни нового, 1926 года пришло чудесное избавление: Либерману объявили, что по распоряжению Дзержинского он должен в 24 часа выехать в Копенгаген на переговоры со скандинавскими лесопромышленниками. Оказалось, скандинавы не хотят договариваться ни с кем, кроме Либермана.

Но Семён будто нарочно совал голову в петлю, проверяя веревку на прочность, – такой каторжный характер. Он пошел искать правды к Дзержинскому. Тот заверил, что верит ему. Тогда Семён сказал, что не сможет спокойно работать за границей, зная, какое тяжкое обвинение висит над его головой. И добавил: «Я сам за себя боюсь, что не пожелаю вернуться обратно после всех страданий, пережитых мною». «Товарищ Либерман, – ответил ему заметно нервничавший Феликс, – если бы вы действительно так думали, вы бы не могли мне это сказать».

В Берлине, где он сделал остановку по дороге в Копенгаген, Либерман получил телеграмму председателя Центральной контрольной комиссии Сольца о том, что все обвинения с него сняты, дело закрыто, Либермана «просят продолжать деятельность». Как ни удивительно на первый взгляд, но именно эта телеграмма стала решающим аргументом в пользу эмиграции. В стране, где обвинения снимаются с той же легкостью, с какой предъявляются, граждане существуют словно на нелегальном положении. Арон Сольц осознал это гораздо позже Либермана, в тридцать седьмом.

Все хорошо, прекрасная маркиза

Осенью 1926 года семейство Либерманов наконец воссоединилось в Париже. Алекс поступил в престижную частную школу Les Roches в Нормандии; стараниями матери он стал первым евреем в этом питомнике французской аристократии. В подобных случаях Генриетта действовала единственным, но безотказным способом. Ее темперамент не знал удержу и моральных рамок. В парижском обществе она слыла нимфоманкой. Семён, ставший во Франции Симоном, к шашням супруги относился философски и сам грешил, но его романы, в основном с оперными дивами, в том числе с Сандрой Яковлефф,

отличались сравнительной продолжительностью. Возможно, постоянству Генриетты мешало ее расточительство – мамаше, как звали ее сын и муж, вечно не хватало денег на туалеты, и любовники, случалось, давали ей отставку, получив чересчур большой счет от портного или ювелира. Папаша, надо признать, был скуповат; хотя дела его шли недурно, сына он держал буквально в черном теле, заставляя канючить каждый лишний франк.

В новой парижской квартире Генриетта завела салон, в котором собирался цвет парижского артистического мира. Не ускользнул от ее внимания и Саша Яковлев, мужчина в высшей степени авантюрист. Предание гласит, что, увидев его в ресторане, Генриетта не мудрствуя лукаво послала ему с официантом записку: Vous me plaisez («Вы мне нравитесь»). Саша, у которого только что завершился роман с балериной Анной Павловой, ответил взаимностью в тот же вечер. Предаваясь пороку, Генриетта, как всегда, не забывала о сыне: новый любовник стал учить Алекса рисунку и нашел в нем недюжинные способности. В мастерской у Саши Яковлева 14-летний Алекс впервые увидел обворожительную красавицу – его недавно приехавшую из Советской России 20-летнюю племянницу Татьяну. При такой разнице в возрасте ни о каком романе, конечно, не могло быть и речи.

Они встретились снова в 1938 году. За эти годы в жизни обоих произошло множество событий. Она вышла замуж, а он женился. Импоантный жгучий брюнет, тщательно следивший за своей внешностью, Алекс был неудачлив в любви. Виной тому негативный сексуальный опыт, полученный в отрочестве. Мужчину пробудила в нем немецкая модель и звезда горнолыжного спорта Хильда Штурм. Брак этот принес немного радости супругам. Хильда оказалась неверна Алексу; она предпочитала болезненному мужу загорелых атлетов. Помимо спорта и секса, ее любимым времяпрепровождением были головоломки-пазлы. Зимой 1937 года они жили на вилле его отца на Лазурном берегу. Алекс с утра до ночи писал пейзажи. Чтобы занять жену, он выписал из Парижа самый сложный пазл, какой только можно было найти. Хильда исчезла наутро после того, как сложила его. Больше они никогда не виделись, хотя формально еще три года оставались мужем и женой.

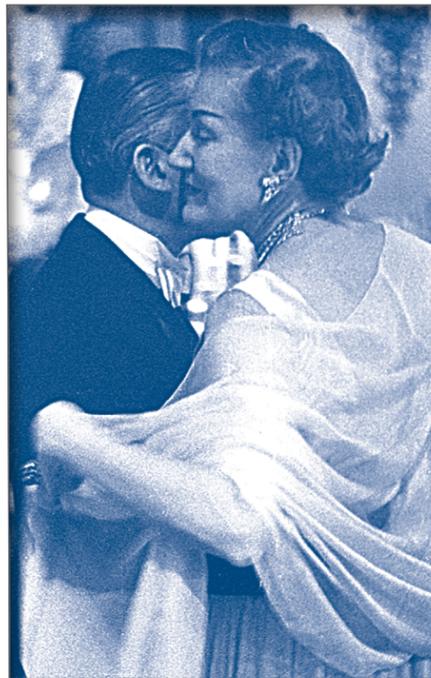
За эти годы Алекс сделал карьеру как художник-дизайнер. Он стал главным художником лучшего французского иллюстрированного журнала Vu. Его обложки были творческим развитием идей русского авангарда, в который он раз и навсегда влюбился на парижской выставке 1925 года.

Но самые серьезные и катастрофические перемены произошли в политике. В сентябре 1936 года главный редактор Vu принял шокировавшее многих решение. Он опубликовал карту концентрационных лагерей Германии, включая уже существовавший Дахау. Спустя две недели журнал перешел в руки другого владельца – правой ориентации. Редактор подал в отставку. Алекс Либерман пошел на повышение, но через некоторое время, при всей аполитичности, тоже уволился. Весной 1938 года Алекс чуть было не женился на Любе Красиной, которая только что развелась и работала моделью в Лондоне. Но случайная встреча с Татьяной произвела переворот в его жизни.

Они стали любовниками через несколько недель после заключения Мюнхенских соглашений, отдавших на растерзание Гитлеру Чехословакию. Той зимой в парижских ночных клубах взошла новая звезда – 23-летняя Эдит Пиаф с песней «Мой легионер». В кинотеатрах шли «Набережная туманов» с Жаном Габеном и «Великая иллюзия» Жана Ренуара. А в 1939-м, перед самой войной, весь Париж распевал новую песенку Tout va tres bien, Madame La Marquise – «Все хорошо, прекрасная маркиза».

Наследница Дамы с камелиями

Франция в 1940 году имела сильнейшую в мире армию, но позволила Гитлеру разгромить себя – ее генералы страдали пораженческим синдромом в тяжелой форме. 6 июня немецкие танковые дивизии прорвали последнюю линию обороны французских войск, на реке Сомме.

Татьяна Яковлева до преклонного возраста сохраняла стиль, вела светский образ жизни и танцевала на балах

9 июня вечером (это было воскресенье) Бертран дю Плесси вернулся домой из военного министерства, где исправлял мелкую конторскую должность в надежде попасть на фронт. Он сказал Татьяне, что в ближайшие часы правительство Франции будет эвакуировано из Парижа на юг, в Тур. Татьяна и Франсин должны как можно скорее ехать туда же. Попрошавшись с женой и дочерью, он вернулся на казарменное положение в министерство. Наутро Татьяна и Франсин влились в поток беженцев на шоссе Париж – Тур. 14 июня в Париж вошли немецкие войска. На Эйфелеву башню водрузили свастику.

Сведения Бертрана оказались точными за исключением того, что кабинет Поля Рейно бежал из столицы гораздо южнее, в Бордо, откуда и объявил о своей отставке. Покуда Татьяна и Франсин добивались до Тура, Германия и Франция подписали перемирие. Страну разделили на оккупированную зону и квазинезависимую Зону Виши во главе с маршалом Петеном. Оставив дочь на попечении знакомых, Татьяна поехала в Бордо, где от чиновников военного министерства узнала, что Бертран, услышав, что две Голландии из Лондона о создании движения «Свободная Франция», отправился в Касабланку и организовал там эскадрилью под командованием де Голля. Лейтенант дю Плесси погиб в воздушном бою над Средиземным морем.

Алекс Либерман, конечно, тоже не мог оставаться на оккупированной территории. С большими приключениями он добрался до виллы своего отца в заливе Сан-Тропе. Это была Зона Виши, однако коллаборационистское правительство Петена вводило антисемитские порядки более рьяно, чем немцы. В первую очередь жертвами этой политики становились евреи-иностранцы. Алекс был евреем с нансеновским паспортом – лицом без гражданства, то есть совершенно бесправным. Было совершенно ясно, что из Франции надо уезжать. Семён Либерман перед самой войной перебрался в Нью-Йорк. Как когда-то в Советской России, он стал хлопотать о визе для сына.

Когда немецкий комендант Тура узнал, что перед ним виконтесса дю Плесси, он спросил Татьяну, не потомок ли она кардинала Ришелье, носившего то же родовое имя. Татьяна ответила, что скорее предпочтет быть потомком Дамы с камелиями. Комендант оценил ответ – он был профессором французской литературы. Именно он сообщил Татьяне, что ее муж пропал без вести, посоветовал, во избежание неприятностей, уехать в Зону Виши и выправил пропуск. Совет вполне соответствовал намерениям Татьяны – через оставшихся в Париже родственников она списалась с Алексом. Он звал ее с дочерью к себе.

Отец Татьяны, Алексей Евгеньевич Яковлев, исчез с горизонта своей бывшей семьей еще до революции. Было известно, что он уехал в Америку, но где он, что с ним – никто из родственников не ведал. Но у бабушек есть способность находить иголку в стог сена. Парижская бабушка Татьяны, мать Алексея Евгеньевича, засела за пере-

писку, подняла на ноги всю русскую Америку и через русского священника в 1924 году отыскала блудного сына. Оказалось, Алексей Евгеньевич, превратившись в Элексиса Джексона, претерпел за океаном немало невзгод и жил впроголодь, покуда не повстречал в Сан-Франциско чудесную русскую женщину, медсестру Зину, 10 годами моложе себя. Потрепанный жизнью Алексей Евгеньевич оставался авантюристом. Они поженились через неделю после знакомства. С женой и тещей Элексис Джексон перебрался на Восточное побережье, в город Рочестер в штате Нью-Йорк, где компания Kodak построила свой новый завод фотоаппаратов и открылось множество вакансий.

Когда Татьяна, Алекс и Франсин в январе 1941 года из Лиссабона на португальском пароходе приплыли в Нью-Йорк, на пристани их встречали двое мужчин, как бы поменявшихся социальным статусом. Бывший советский ответственный работник Семён Либерман превратился в американского предпринимателя и вел буржуазный образ жизни. Алексей же Яковлев, дворянин, выпускник петербургского кадетского корпуса, архитектор, автомобилист, авиатор и бонвиван, стал пролетарием и жил в рабочем поселке.

Белый флаг

Татьяна и Алекс прожили вместе долгую и насыщенную жизнь. Он сделал блестящую карьеру художника-дизайнера. Его обложки для журнала Vogue стали классикой жанра – на них учатся, они выставлены в музеях. Татьяна стала законодательницей шляпных мод. Дочь пишет, что она сделала профессию из любви к собственной внешности: Татьяна с утра усаживалась перед зеркалом, разложив на туалетном столике элементы шляпного декора, и начинала импровизировать, примеряя на себя свое новое произведение. Модельный и рекламный бизнес после войны рос как на дрожжах. С обложек модных журналов лежала прямая дорога в Голливуд. Среди близких друзей Татьяны и Алекса были Марлен Дитрих и Сальвадор Дали. Дочь Татьяны Франсин, которая носит двойную фамилию дю Плесси Грэй, стала писательницей и выпустила в свет книгу воспоминаний о родителях с простым, но труднопереводимым названием Them; из этой книги и почерпнуты многие подробности биографии Татьяны Яковлевы.

Из ее памяти так и не стерся краткий роман с Маяковским. В середине 1970-х годов один знакомый сказал ей, что едет в Москву и увидится там с Лилей Брик. Татьяна вышла на минуту в спальню и вернулась с белым кружевным носовым платком, который попросила передать Лиле. «Она поймет», – сказала Татьяна. «Я поняла», – горестно закивала Лили, получив неожиданный подарок. Это был белый флаг, знак капитуляции.

В предсмертной записке Маяковский назначил Лиле Юрьевну распорядителем своих бумаг и рукописей. В ванне своей квартиры Лили сожгла все до единого письма Татьяны. Она приняла смертельную дозу снотворного в 1978 году, сломав шейку бедра – ей было 86 лет, в таком возрасте кости уже не срастаются. Ей удалось остаться если не единственной, то главной музой Маяковского.

Но до его писем Татьяна она добратся не могла. Татьяна хранила их в запечатанном пакете, не публиковала и никому не показывала, но разрешила сделать это дочери. Она скончалась в 1991 году. После ее смерти Алекс женился на домработнице-филиппинке и пережил Татьяну на восемь лет. Вопреки воле покойницы, он упрямо не отдавал Франсин письма Маяковского – утверждал, что не помнит, где лежит пакет. Он не сказал этого даже на смертном одре, и Франсин поняла: ревность Алекса была сродни ревности Лили, он хотел остаться единственным в жизни Татьяны. Франсин нашла бумаги сама: 27 страниц писем, 24 телеграммы и автографы некоторых стихотворений. Архив парижского романа.

В иллюстрировании публикации использованы материалы из архива Государственного музея В.В. Маяковского и книги Юрия Тюрина «Татьяна. Русская муза Парижа».

Замужем за Пикассо

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ РАССЕКРЕТИЛА ДОСЬЕ ВЕЛИКОГО ИСПАНЦА. В СВЯЗИ С ЭТИМ КОРРЕСПОНДЕНТ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ВСТРЕТИЛСЯ С МАРИНОЙ ПИКАССО – ВНУЧКОЙ ХУДОЖНИКА И РУССКОЙ БАЛЕРИНЫ ОЛЬГИ ХОХЛОВОЙ

■ Георгий ХАБАРОВ

Во Франции снят гриф секретности с досье, заведенного французским сыском на Пабло Пикассо и его жену Ольгу Хохлову. История многолетней слежки за художником была раскрыта после того, как в Париж из Москвы вернулись 20 тонн французских архивов, насчитывающих более 900 тысяч досье. (Сперва они были похищены немцами из оккупированного Парижа, а весной 1945 года их обнаружили советские солдаты и переправили в Москву.) Среди возвращенного – архивы семьи Ротшильда, Леона Блюма, Андре Моруа, масонских лож и различных ассоциаций. В числе последних на берега Сены прибыло и «дело Пикассо». Личные архивы вернули семьям, а некоторые материалы изучила французская контрразведка на предмет выявления гипотетических контактов между французами и Страной Советов. Оливье Пикассо, внук художника, вместе со специалистом по творчеству его деда Пьером Дэксом намерены издать эти «Досье полицейской префектуры (1901–1940)», проливающие свет на неизвестные факты в биографии мэтра.

Гений под колпаком

Парижским филерам не откажешь в тонком чутье. Они взяли на мушку 20-летнего Пикассо 5 мая 1901 года, когда он прибыл на берега Сены на свою первую выставку. Уже 18 мая полицейский комиссар, шеф 3-й бригады, доносил начальству о том, что некто Пабло Руис-и-Пикассо поселился на последнем этаже

дома № 130 по бульвару Клиши у анархиста Пьера Манаша, своего соотечественника. Комиссар полиции набрасывает портрет живописца и даже рассказывает об одной из последних его картин, на которой запечатлены солдаты, избивающие попрошайку. Пикассо, сообщает он, наносят визиты неизвестные личности. Каждый вечер он уходит из дома, возвращается поздно, а иногда вообще дома не ночует. Особое донесение посвящено политическим взглядам художника. Сыщик убежден, что Пикассо разделяет убеждения Манаша и в силу этого также должен считаться анархистом.

В сентябре 1911 года Пикассо допросили по поводу хранившихся у него старинных статуэток, украденных в Лувре в 1907 году Жери Пьере, секретарем Гийома Аполлинера. Пьере вручил их Пикассо, который в тот момент работал над знаменитой картиной «Девушки из Авиньона». Скандал разразился 4 года спустя, когда из Лувра итальянским маляром была похищена «Мона Лиза». Аполлинера допросили, продержали несколько дней за решеткой. Вызывали в полицию и Пикассо, но оставили на воле.

Подозрительность охраны возросла после того, как весной 1917 года Пабло познакомился в Риме, куда приехал для работы над балетом «Парад» на музыку Эрика Сати, с русской балериной Ольгой Хохловой. Когда они решили пожениться, полиция, прежде чем дать необходимое согласие, провела расследование: «Живет в доме № 22 по улице Виктора Гюго в Монруже, за который платит 1800 франков в год. Работает художником и получает в среднем 25 франков в день. Соседи го-

ворят о нем только хорошее. К Франции относится с симпатией». Досье Пикассо и его жены присвоили номер 74664.

К моменту знакомства с Пикассо Хохлова уже пять лет выступала в знаменитой труппе Сергея Дягилева. Танцовщицей она была старательной и дисциплинированной, имела хорошую технику, но никогда не была примой и, не считая нескольких более или менее заметных партий, выступала в кордебалете.

Терпсихора из кордебалета

«Моя бабушка Ольга Хохлова родилась в украинском городе Нежине в семье полковника русской императорской армии, – рассказывала мне Марина Пикассо, когда я был у нее в гостях на вилле в Канне. – Вопреки родительскому желанию Ольга, которая была очень красива, стала балериной и получила приглашение в труппу от самого Дягилева. Он и познакомил ее с Пикассо». Дягилев любил, чтобы в его труппе были девушки из «хороших семей».

Ольга отличалась хорошими манерами и особым славянским «шармом», который всегда так ценился в Европе. У нее была приятная внешность, правильные черты лица, хотя крупноватый подбородок придавал ему некоторую тяжесть и, возможно, выдавал ее характер – твердый, решительный и упрямый.

Пикассо к этому времени был уже знаменитым художником. В числе первых по-настоящему оценили его творчество русские философы, критики и коллекционеры. Еще в 1914 году блестящий анализ его работ сделал Николай Бердяев. Тогда же Сергей Щукин и Иван Морозов стали

приобретать картины художника, которые сейчас находятся в Эрмитаже и Пушкинском музее. Серж Дягилев, умевший привлечь к работе над своими балетами для «Русских сезонов» самые громкие имена, пригласил Пикассо оформить балет «Парад» в постановке Леонида Мясина. «У меня 60 танцовщиц, – сообщал не без гордости Пикассо американской писательнице Гертруде Стайн. – Ложусь спать поздно. Я знаю всех женщин Рима». Но об Ольге художник до поры до времени умалчивал.

Как же случилось, недоумевали его друзья, что Пикассо влюбился в балерину, которая, по их мнению, ни в каком отношении не была личностью примечательной? Художнику, пользовавшемуся в Париже шумной и даже скандальной известностью, было тогда 36 лет. Возможно, пресыщенному в любви и не слишком разборчивому в связях живописцу именно ординарность, обыденность Ольги казалась «экзотикой». В ту пору он искал в подруге оазис спокойствия, чтобы отдохнуть от вечного горения страстей и решения сверхзадач, которые ставил перед собой в живописи.

Немалое значение имело и то, что Ольга была русской. В те годы Пикассо, революционер в искусстве, чрезвычайно интересовался всем русским. Он даже собирался учить язык этой загадочной для него страны. Художник внимательно следил за развитием событий в России, Февральской революцией, отречением царя. Видимо, в его глазах все это придавало балерине революционно-романтический флер. Наконец, влияла и сама атмосфера русских балетов, отличавшаяся особой чувственностью, его дружба с Дягилевым, Бакстом и особенно со Стравинским, которым он тогда восхищался. Пикассо говорил, что презирает всякую музыку за исключением фламенко, но был потрясен «Весной священной».

Пикассо увлекся Ольгой со всем присущим ему темпераментом. «Осторожно, – предупреждал его с усмешкой Дягилев, – на русских девушках надо жениться». «Вы шутите», – отвечал художник, который утверждал, что всегда остается хозяином ситуации. В Риме Пикассо встречался с Ольгой каждый день, совершая с ней длинные прогулки по Вечному городу. Но балерина не спешила ответить на бурные чувства художника, хотя Пикассо ей нравился. Женщин привлекал в нем особый магнетизм, внутренний огонь, взгляд его черных глаз, которые, по выражению Некто, были «заряжены электричеством». Несмотря на то что Ольга не очень интересовалась искусством, слава Пикассо производила на нее впечатление. К тому же она понимала, что карьеру в балете ей уже не сделать и надо думать об устройстве семейного очага. Но станет ли Пикассо с его богемным прошлым хорошим мужем? «Может ли ху-

дожник быть человеком серьезным?» – попыталась у Дягилева мать Ольги, узнав о том, что ее дочь собирается замуж за Пикассо. «Не менее серьезным, чем балерина», – отшучивался тот.

Выбор Ольги

Тем временем в мае 1917 года в парижском театре «Шатле» состоялась премьера «Парада». Едва ли для нее был выбран самый подходящий момент. Всего в 300 километрах от столицы продолжались тяжелые бои французской армии с наступающими немцами. На спектакль пришел «весь Париж» – имя Дягилева действовало на публику как магнит. В зале были и русские офицеры, находившиеся в отпуске. Балет, который, по словам Ильи Эренбурга, напоминал «балаган на ярмарке с акробатами, жонглерами, фокусниками и дрессированной лошадью», закончился скандалом. Публика негодовала и кричала «Смерть русским!».

Такой прием ничуть не смутил Дягилева, который повез «Парад» в Мадрид и Барселону. За балетом и за Ольгой последовал Пикассо. Там он много ее рисовал в манере сугубо реалистической, на чем настаивала сама балерина, которая не любила непонятные ей эксперименты в живописи. «Я хочу, – говорила она, – узавать свое лицо». В Барселоне Пикассо познакомил Ольгу со своей матерью. Она тепло приняла русскую девушку, ходила на спектакли с ее участием, но однажды предупредила: «С моим сыном, который создан только для самого себя и ни для кого другого, не может быть счастлива ни одна женщина». В Барселоне художник написал портрет Ольги в испанской мантилье, который подарил матери.

Когда русский балет отправился в Латинскую Америку, Ольга решила остаться. Выбор между трудной жизнью рядовой балерины и браком со знаменитым и пре-

успевающим живописцем был сделан. Вернувшись во Францию, они поселились в маленьком доме в парижском пригороде Монруж – со служанкой, собаками, птицами и еще тысячей разных предметов, которые повсюду сопровождали художника. Ольга неплохо говорила по-французски, хотя и с сильным русским акцентом, и любила слушать длинные фантастические истории, которые ей рассказывал Пабло. Именно в Монруже он написал знаменитый «Портрет Ольги в кресле», который сейчас выставлен в парижском музее Пикассо. Сравнивая его с фотографией, сделанной в момент позирования, нетрудно заметить, что художник несколько приукрасил черты оригинала.

Многие друзья отговаривали Пикассо от брака с Ольгой, предвидя, что он будет неудачным. Художник не внял их советам. 12 июля 1918 года в мэрии 7-го парижского округа прошла церемония бракосочетания. Венчание состоялось в православном соборе Александра Невского, среди гостей и свидетелей были Дягилев, Аполлинер, Кокто, Гертруда Стайн, Матисс. Пикассо был убежден, что женится на всю жизнь, и поэтому в его брачный контракт вошла статья о том, что их имущество – общее. В случае развода это подразумевало его раздел поровну, включая все картины.

После свадьбы молодожены перебрались в большую квартиру в самом центре Парижа на улице Ля Бозти, неподалеку от галереи, где Пикассо выставлялся. Ольга была природной хозяйкой и принялась обставлять квартиру, руководствуясь своим вкусом. Муж не вмешивался. Он ограничился тем, что навел беспорядок в мастерской этажом ниже, разложив где попало коллекции разных предметов и расставив по стенкам свои работы и картины Ренуара, Матисса, Сезанна, Руссо.

В сентябре 1918 года Пикассо с Ольгой отправились в Лондон вместе с русским балетом. Дягилев показывал там «Парад»

Жило в возрасте 81 года на фоне одной из своих картин

и работал над новым балетом «Трикорн», для которого художник делал декорации и костюмы. Вместе с труппой они жили в дорогом отеле «Савой» и по вечерам ходили с одного приема на другой. Пикассо с молодой женой повсюду оказывался в центре внимания и постепенно тягивался в вихрь светской жизни, которую так любила Ольга. Он заказал себе множество костюмов, стал носить безупречный смокинг, на приемах появлялся в котелке и с золотыми часами в кармашке жилета, словом, стал ничуть не меньшим денди, чем его друг Стравинский. Ольге на какое-то время даже удалось отдалить художника от его богемных друзей. Однажды он рассматривал себя в зеркале и, вздыхая, тихо говорил: «Мсье Энгр...»

На костре творчества

Многие из рисунков тех лет своим классицизмом и безупречным совершенством напоминают работы Жана Огюста Энгра. В других заметен карикатурный элемент. Художник словно следовал совету Ван Гога, который писал своему брату Тео: «Преувеличивай самое существенное». Сам он говорил: «Искания в живописи не имеют никакого значения. Важны только находки... Мы все знаем, что искусство не есть истина. Искусство – ложь, но эта ложь учит нас постигать истину. По крайней мере ту, которую мы, люди, в состоянии постичь». В это время Пикассо пишет портреты Дягилева, Стравинского, Бакста, Кокто. Ольгу он нарисовал для своей первой литографии, которая была использована для пригласительного билета на его выставку.

Постепенно необузданная художественная натура Пикассо приходила в противоречие с той светско-снобистской жизнью, которую ему приходилось вести. Он хотел иметь семью, любил жену. Но постепенно возник конфликт с Ольгой, вызванный тем, что художник не желал обременять себя условностями, которые мешали его творчеству. Он хотел оставаться полностью свободным человеком и был готов во имя этого пожертвовать всем остальным. У Ольги не сложились отношения с большинством друзей Пикассо, кроме Аполлинера, который скончался в ноябре 1918 года после тяжелого ранения на фронте.

4 февраля 1921 года у четы родился сын Поль. Так в 40 лет Пикассо впервые стал отцом. Это событие взволновало его, неожиданно для него самого наполнило гордостью. Он делал бесконечные рисунки сына и жены, помечая на них не только день, но и час. Все они выполнены в неоклассическом стиле, а женщины в его изображении напоминают олимпийские божества. Ольга тоже относилась к ребенку с почти болезненной страстью и обожанием. Она надеялась, что рождение сына укрепит их семью, в фундаменте которой появились первые трещины.

Ольга чувствовала, как ее муж постепенно возвращается в свой внутренний мир – мир искусства, в который она не имела доступа. Время от времени она устраивала бурные сцены ревности. Пикассо замкнулся в себе и словно отгородился от жены невидимой стеной. В сущности, всю его жизнь главной страстью было творчество, во имя которого он был готов пожертвовать всем. Он часто вспоминал историю французского художника-керамиста Бернара де

Палиси, жившего в XVI веке, который для поддержания огня в печи во время обжига своих творений бросал туда свою мебель. Пикассо очень любил эту историю и видел в ней настоящий пример «горения» во имя искусства. Сам он утверждал, что бросил бы в печь и жену, и детей – лишь бы в ней не угас огонь.

Работа с русским балетом способствовала известности художника и, по мнению специалистов, обогатила его талант. В апреле 1925 года Пикассо вместе с Ольгой и сыном поехали в Монте-Карло к Дягилеву. Там, на репетициях, он снова стал рисовать балерин. Может быть, вернувшись в мир русского балета, он надеялся обрести гармонию в отношениях с Ольгой? Но вернуть ее было уже невозможно. Видя равнодушие мужа, Ольга теряла спокойствие, нервничала и еще больше вызывала раздражение Пикассо, желавшего освободиться от ее назойливой опеки. Словом, художник устал и с каждым днем все больше и больше тяготился узами брака.

Церковь, коррида, бордель

В январе 1927 года на улице, в толпе, выходящей из метро, Пикассо увидел красивую девушку с серо-голубыми глазами. «Он схватил меня за руку и сказал: «Я Пикассо! Вы и я вместе совершим великие вещи», – вспоминала впоследствии Мари-Терез Вальтер. Ей было тогда 17 лет. Она ничего не знала ни об искусстве, ни о Пикассо. Ее интересы были совершенно другими – плавание, гимнастика, велосипед, альпинизм.

Началось самое большое увлечение в жизни Пикассо, не знавшее ни границ, ни табу. Предаваясь этой безумной страсти, художник пытался забыть Ольгу, вычеркнуть ее из своей жизни.

Женщины и Пикассо – этой теме посвящены на Западе многие серьезные исследования, имеющие скандальный характер. В долгой жизни художника, имевшего сотни любовных связей и обладавшего огромным сексуальным магнетизмом, исключительную роль сыграли семь женщин. В этом отношении его жизнь как бы подтверждает пословицу, согласно которой Испания – это страна, в которой мужчины презирают секс, но живут ради него. «Утром – церковь, днем – коррида, вечером – бордель», – этого кредо испанских мачо свято придерживался Пикассо. Сам же художник говорил, что искусство и сексуальность – это одно и то же.

Художник однажды признался, что делил всех представительниц прекрасного пола на «богини» и «половые коврики». Ему доставляло особую радость превращать первых во вторых, вытирая о них ноги, и они, «богини», не только позволяли ему это делать, но и получали от этого удовольствие. В нем был исключительно сильно развит инстинкт разрушения. Его любовницами становились жены его близких друзей, порой с их ведома и согласия, как, например, было со второй женой Поля Элюара – Ньюш. И вся его жизнь прошла под знаком борьбы инстинктов созидания и разрушения. «Я думаю, что умру, никогда никого не полюбив», – сказал однажды Пикассо. Однако при этом художник любил повторять, что жизнь продляют только работа и женщины. «Каждый раз, когда я меняю женщину, – говорил Пикассо, – я должен сжечь ту, что была последней. Таким образом я от них избавляюсь. Это, возможно, и возвращает мне молодость».

Впрочем, едва ли все эти заявления мэтра следует принимать за чистую монету. В них много эпатажа. И все-таки в отношениях с женщинами часто брало верх именно деструктивное начало. Покончили с собой Мари-Терез Вальтер, его вторая жена Жаклин, нервной депрессией страдали Ольга, художница Дора Маар, которая была его любовницей во время создания «Герники»...

Одиночество

Но вернемся к Ольге. Ненависть к ней Пикассо стал вымещать в живописи. В серии картин, посвященных корриде, он изображал ее в виде то лошади, то старой мегеры. Объясняя впоследствии причины их разрыва, художник скажет: «Она слишком многого от меня хотела... Это был наихудший период в моей жизни». Тем не менее Пикассо не хотел развода. Полный ▶

ИЗ АРХИВА АВТОРА

В 1943 году Пикассо познакомился с художницей Франсуазой Жило.

Вверху: Пикассо играет с дочерью Паломой, лежащей на коленях у матери, Жаклин Рок. Рядом еще два его ребенка – Лусия и Мигель. Справа: дочь художника Палома в день своей свадьбы в 1978 году. Внизу: один из портретов Хохловой на аукционе Christie's

► разрыв хотя бы с частичкой прошлого для него означал нечто вроде смерти, которая всегда вызывала в нем страх. Кроме того, развод привел бы к потере половины его состояния, а главное – картин. И Ольга официально до самой своей кончины оставалась женой Пикассо.

В 1943 году Пикассо познакомился с художницей Франсуазой Жило, которой был всего 21 год. На несколько лет она стала его новой музой. Это был очередной удар для Ольги, которая продолжала ревновать бывшего мужа ко всем его новым пассиям. Она писала ему гневные записки на смеси испанского, французского и русского, содержание которых сводилось к тому, что Пикассо ужасно опустился. Обычно она прикладывала к посланиям изображения Рембрандта или Бетховена с припиской, что он никогда не станет таким же великим, как они. В парижском музее Пикассо хранятся более ста писем Ольги, адресованных мужу, но доступ к ним пока закрыт. Знакомство с ними, несомненно, поможет лучше понять их отношения, роль, которую жена сыграла в жизни художника, и причины их разрыва.

Летом Ольга отправлялась в средиземноморский городок, где жили Пикассо и Франсуаза Жило с их сыном Клодом, и преследовала по пятам молодую женщину. Та молча переносила оскорбления, ибо понимала, что Ольга страдает от одиночества и отчаяния. В 1949 году у Франсуазы Жило родилась дочка Палома, а три недели спустя Пикассо стал дедом – у Поля родился сын, которому в честь художника дали имя Пабло, но впоследствии обычно звали Паблито. Поль Пикассо провел всю войну в Швейцарии и вернулся в Париж только после его освобождения. У него не было никакой работы, к тому же он сильно пил и употреблял наркотики. В 1954 году после тяжелого воспаления легких он оказался на грани смерти. Доктор послал Пикассо телеграмму с просьбой срочно приехать в Канн. Ответа не последовало.

«Драма моего отца (Поля Пикассо. – Ред.) заключалась в том, – рассказывала Марина Пикассо, – что всю свою жизнь он находился в полной зависимости от великого мастера и каждый месяц, унижаясь, был вынужден просить у него деньги». Гениальный художник, видимо, не мог простить сыну того, что тот оказался человеком ординарным, лишенным всяких талантов. Материальную зависимость родителей, естественно, долгие годы ощущала на себе и Марина Пикассо, которая с братом и матерью более чем скромно жила в южном городке Гольф-Жуан. В отношениях с родственниками и близкими мэтр, по словам внучки, неукоснительно придерживался принципа «Я – все, ты – ничто!».

«Отношения с дедом у нас складывались очень трудно, – вспоминает Марина. – Я с ним практически не имела никаких контактов. Когда после окончания школы хотела поступить на медицинский факультет, Пикассо сообщил через секретаря, что у него нет возможности оплачивать мою учебу... Долгое время я считала его виновным в преждевременной кончине отца и в исковерканной жизни матери».

Ольга Хохлова в последние годы жила в Канне в полном одиночестве. Она долго и мучительно болела и 11 февраля 1955

года скончалась от рака в городской больнице. На похороны пришли только ее сын и несколько друзей. Пикассо в это время в Париже заканчивал картину «Алжирские женщины» и не приехал.

Опять вместе

Пабло Пикассо скончался 8 апреля 1973 года. Ему был 91 год. Незадолго до смерти отличавшийся пророческим даром художник сказал: «Моя смерть станет кораблекрушением. Когда погибает большое судно, все, что находится вокруг него, затягивается в воронку». Так и произошло. Его внук Паблито просил разрешить ему присутствовать на похоронах, но последняя жена художника Жаклин Рок ответила отказом. В день похорон Паблито выпил флакон с деколораном – обесцвечивающей химической жидкостью. Когда его доставили в больницу, врачи констатировали, что он сжег себе внутренности. Три месяца в нем поддерживали жизнь благодаря постоянным операциям и пересадкам, которые оплачивала Мари-Терез Вальтер. Спасти Паблито не удалось. Его похоронили в той же могиле на кладбище в Канне, где покоится прах Ольги.

6 июня 1975 года от цирроза печени умер 54-летний Поль Пикассо. Его двое детей – Марина и Бернар, последняя жена Пабло Пикассо Жаклин и еще трое вне-

брачных детей – Майя (дочь Мари-Терез Вальтер), Клод и Палома (дети Франсуазы Жило) – были признаны наследниками художника. Начались долгие баталии за наследство, которое было оценено в 260 миллионов долларов; цифру сильно занизили по налоговым соображениям. Это в общей сложности 50 тысяч работ – картин, скульптур, изделий из керамики и рисунков. Самую большую долю – три десятых – получила Жаклин Пикассо, тогда как внуки, Марина и Бернар, – по две десятых от общей суммы. Кроме того, всем наследникам было предоставлено право взять себе на память по одной работе художника. Марина выбрала картину, на которой изображена совсем молодой ее бабушка Ольга.

20 октября 1977 года в гараже своего дома в средиземноморском городке Жуанле-Пен повесилась Мари-Терез Вальтер, которой было 68 лет. Накануне открытия очередной выставки художника в Мадриде 15 октября 1986 года в 3 часа утра в своей кровати застрелилась Жаклин Пикассо.

Марина Пикассо, унаследовавшая знаменитый особняк деда «Резиденция короля» в Канне, живет там со взрослыми дочерью и сыном и тремя усыновленными детьми-вьетнамцами. Она не делает между ними никакого различия и уже составила завещание, по которому все ее огромное состояние после кончины будет поделено на пять равных частей. Марина создала носящий ее имя фонд, который построил в пригороде Хошимина деревушку из 24 домов для 360 вьетнамских сирот.

«Любовь к детям, – подчеркивает Марина, – я унаследовала от бабушки. Ольга была единственным человеком из всего клана Пикассо, кто относился к нам, внукам, с нежностью и вниманием. И свою книгу «Дети, живущие на краю света» я во многом написала для того, чтобы восстановить ее доброе имя. Про Ольгу при ее жизни, в том числе самим Пикассо, было сказано столько неправды...»

Париж – Канн

■ Владимир АБАРИНОВ

Преждевременная кончина известного лица вызывает подозрения всегда, когда отсутствуют явные доказательства несчастного случая. Смерть Мэрилин Монро потому и принадлежит к категории вечных загадок. Ей было 36 лет, когда она умерла. У нее не было причин убивать себя – по крайней мере таких, о которых знали бы ее ближайшие друзья. Показания свидетелей противоречивы. Зато любители теорий заговоров не ведают сомнений. Они выстроили хитроумные версии, недостаток которых лишь в одном: основаны не на фактах, а на домыслах. Одна из самых причудливых теорий –

и приблизилась к банкротству. Ей был необходим коммерческий успех, и для рискованных и дорогих проектов, каким оказался новый фильм с Мэрилин, момент был неподходящий.

Простуда Монро задержала съемки на несколько дней. Между тем в субботу 19 мая Мэрилин должна была участвовать в гала-концерте в нью-йоркском зале «Мэдисон Сквер Гарден» по случаю 45-летия президента Кеннеди. В некоторых источниках утверждается, что она покинула съемочную площадку самовольно. Это не так. Приглашение было получено за два месяца и согласовано с дирекцией студии.

Тем не менее 17 мая Кьюкор сообщил Вайнштейну, что если Монро пропустит ближайшие два дня (а это были рабочие

Кто убил Мэрилин?

о том, что Мэрилин убила мафия по приказу Роберта Кеннеди, – создана четвермя ясновидцами, утверждающими, что получили показания с того света непосредственно от Мэрилин и братьев Кеннеди. Так что же произошло в ночь с 4 на 5 августа 1962 года в калифорнийском доме Монро? Почему она умерла?

День рождения JFK

В Америке репортеры, чей хлеб – происшествия и преступления, круглые сутки прослушивают радиочастоты, на которых разговаривают полиция, пожарные и скорая помощь. Поэтому о смерти Мэрилин Монро они узнали сразу же после того, как об этом стало известно дежурному полицейского участка города Brentwood под Лос-Анджелесом сержанту Джеку Клеммонсу. Однако оперативность журналистам не помогла. Несмотря на огромный объем собранной информации, единственное, о чем можно сказать утвердительно, – это то, что причиной смерти была передозировка барбитурата «Нембутал», который покойница принимала как снотворное. Но причина – это не мотив. Обстоятельства последних дней Мэрилин известны в мельчайших деталях. Обстоятельства последних часов покрыты густым мраком лжесвидетельств и полупризнаний. В них как в капле воды отразились весь блеск и нищета мира, в котором она жила, его благородство и низость. Это мир настоящих бриллиантов и фальшивых чувств, мир не хуже и не лучше нашего – точно такой же беспощадный.

В апреле 1962 года Мэрилин Монро приступила к съемкам в главной роли в комедии «Что-то должно случиться» на студии 20th Century Fox. Ее партнером был Дин Мартин. Прошло почти полтора года с тех пор, как был завершен ее предыдущий фильм – «Неприканные» по сценарию Артура Миллера, где она снималась с Кларком Гейблом. Прошло 15 месяцев после ее развода с Миллером. Расставшись со своим третьим мужем, она лечилась от наркотической зависимости от барбитуратов и от алкоголизма. Голливудский психоаналитик Ральф Гринсон проводил с ней по пять полуторачасовых сеансов в неделю – ежедневно, кроме выходных.

Съемки картины, продюсером которой был Генри Вайнштейн, а режиссером – Джордж Кьюкор, не заладились с самого начала. Сценаристы никак не могли придумать финал, который понравился бы руководству студии. Как раз в этот период Fox понесла серьезные убытки

дни – четверг и пятница), то работа отстает от графика уже на шесть дней. По голливудским меркам – это серьезный сбой. Продюсер и режиссер опасались, что руководство Fox, и без того недовольное их работой, закроет картину. Озабоченный Вайнштейн позвонил другу Мэрилин, продюсеру Милтону Эббинсу, который был одним из организаторов мероприятия в Нью-Йорке. «Мэрилин собирается в Нью-Йорк, – сказал он. – Этого нельзя допустить». «Что ты имеешь в виду, как так не допустить?» – изумился Эббинс. «Милт, она не должна ехать, – твердил Вайнштейн. – Можешь что-нибудь предпринять?» – «Помилуй, это день рождения президента!» «Если она поедет, она может потерять роль», – горько заключил Вайнштейн.

Мэрилин, конечно же, поехала. Съемки были прерваны ровно в половине двенадцатого утра 17 мая. В этот момент на территории студии приземлился вертолет, принял на борт Мэрилин и направился в международный аэропорт Лос-Анджелеса.

Часом позже адвокаты студии Fox по указанию дирекции составили официальное письмо-предупреждение о нарушении актрисой контрактных обязательств, датированное предыдущим днем. Окончательное решение – закрыть картину или разорвать контракт с Монро – еще не было принято; студия запалась аргументами на случай судебной тяжбы. Курьер нью-йоркского офиса Fox доставил Мэрилин копию письма на следующее утро прямо на квартиру. По воспоминаниям очевидцев, она была возмущена и чувствовала себя преданной.

В пятницу вечером композитор Ричард Адлер, руководивший действием в «Мэдисон Сквер Гарден», приехал к Мэрилин репетировать. Сидя за роялем, он заставлял ее снова и снова повторять *Happy Birthday, Mr. President*. Он мучился три часа. Адлер вспоминает массажист Мэрилин Ральф Робертс, «тревожился все больше и больше – он боялся, что ее голос звучит слишком сексуально. Он даже позвонил Лоуфорду (зять братьев Кеннеди, близкий друг Монро. – В. А.), чтобы тот уговорил ее изменить интонацию. Но она лишь смеялась и делала то, что считала нужным».

В этом месте стоит прерваться для необходимого отступления.

Четыре встречи с президентом

Об интимной связи Мэрилин и тридцать пятого президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди написано столько, что сомневаться вроде как и неприлично.

Между тем веских доказательств этой связи не существует.

Некоторые источники относят начало романа к середине 1950-х годов, периоду, когда ее второй брак, со знаменитым бейсболистом Джо Ди Маджо, близился к концу и завязывались отношения с драматургом Артуром Миллером. Такой хронологии придерживается, в частности, пулицеровский лауреат Сеймур Херш, автор биографической книги «Темная сторона Камелота», в которой Кеннеди предстает в крайне невыгодном свете. Он пишет, что к началу президентской кампании Джона Кеннеди роман был в самом разгаре.

Херш воспроизвел в своей книге фрагмент магнитофонной записи разговора Монро с психоаналитиком Ральфом Гринсоном, наследники которого дали разрешение на публикацию. Монолог Мэрилин посвящен главным образом проблемам сексуальности; пациентка, выражаясь зачастую весьма прямолинейно, говорит, в частности, что не может достигнуть оргазма. Далее идет такой монолог: «Мэрилин Монро – солдат. Ее главнокомандующий – величайший и самый могущественный человек в мире. Первый долг солдата – подчиняться приказам своего главнокомандующего. Он скажет: «делай это» – надо делать. Этот человек собирается изменить нашу страну. Ни один ребенок не останется голодным, ни один взрослый не будет спать на улице и искать пропитание в мусорных баках. Все люди получат хорошее медицинское обслуживание. Наша продукция станет лучшей в мире... Он преобразует Америку, как сделал это Франклин Делано Рузвельт в 1930-е годы. Говорю вам, доктор: когда он добьется своего, он займет место рядом с Вашингтоном, Джефферсоном, Линкольном и Франклином Рузвельтом, как один из великих президентов...»

Любвеобильность президента Кеннеди хорошо известна. Она превосходила все мыслимые пределы. Его не останавливали ни соображения приличий, ни разница в возрасте, ни настроение объекта вожделений. Существует мнение, что жена президента Жаклин часто уезжала из Вашингтона именно потому, что не хотела быть свидетельницей сексуального задора мужа. Особенной страстью он, как и его отец, посол Джозеф Кеннеди, пылал к голливудским звездам, главным образом к блондинкам. Однажды в Белый дом была приглашена прославленная Марлен Дитрих. Оставшись наедине с президентом, она подверглась домогательствам – по ее собственным словам, Кеннеди «набросился» на нее. Дитрих была на шестнадцать лет старше ухажера; будучи дамой опыт-

ной во всех отношениях, она легко отразила атаку. Провожая Дитрих к лифту, президент вдруг задал своей гостье вопрос, не дававший ему, видимо, покоя: «Вы когда-нибудь спали с моим отцом? Он всегда утверждал это». История умалчивает, как отреагировала дива, по которой сходились ума еще главари Третьего рейха.

Доподлинно известно, что Джон Кеннеди и Мэрилин Монро встречались четыре раза. Первая встреча имела место в октябре 1961 года в Санта-Монике, в доме сестры президента Патриции и ее мужа Питера Лоуфорда. Лоуфорды устроили званый обед в честь Джона Кеннеди, на который, кроме Монро, были приглашены и другие кинозвезды-блондинки – Ким Новак, Джанет Ли и Энджи Дикинсон. К каждой из них президент был неравнодушен. Монро и Кеннеди находились весь вечер на людях; домой Мэрилин отвез шофер Лоуфордов.

Второй случай представился в феврале 1962 года. Это тоже был обед в честь главы государства, на сей раз в манхэттенском доме Фифи Фелл, богатой вдовы знаменитого промышленника. Кеннеди и Мэрилин опять-таки не уединялись ни на минуту. Домой ее доставил на своей машине Милтон Эббинс.

В третий раз, 24 марта 1962 года, оба гостили в доме Бинга Кросби в Палм-Спрингс. Там у них действительно появилась возможность остаться наедине, и они ею воспользовались. Из отведенной ей спальни Мэрилин позвонила массажисту Ральфу Робертсу, чтобы проконсультроваться по поводу боли в мышце.

Совет был нужен не ей, а президенту, который, как известно, перенес операцию на спинном мозге и страдал мышечными болями в области спины. Получив консультацию, Кеннеди взял трубку и поблагодарил Робертса за исчерпывающие объяснения. «Позднее, когда заработала мельница слухов, – говорит Робертс, – Мэрилин сказала мне, что та их ночь в марте была единственной». «Даже в кошмарном сне Мэрилин не представляла себе постоянных отношений с JFK, – пишет актриса и подруга Монро Сьюзан Страсберг. – Переспать один раз с харизматическим президентом – этого было вполне достаточно, ей нравились секретность и драматизм события. Но он точно не был тем человеком, с которым она хотела бы связать свою жизнь. Она очень ясно дала нам это понять».

Четвертая и последняя встреча произошла в мае 1962 года. Это как раз и был знаменитый вечер в «Мэдисон Сквер Гарден» – день рождения президента. Американский бомонд праздновал дату

десять дней кряду. Гала-концерт в «Мэдисон Сквер» должен был пополнить кассу национального комитета Демократической партии, опустошенную президентской кампанией 1960 года. Мероприятие собрало более 15 тысяч человек, заплативших от 100 до 1 тысячи долларов за билет. В числе участников программы были такие звезды, как Элла Фитцджеральд, Пегги Ли, Генри Фонда, Мария Каллас, Гарри Беллафонте. Питер Лоуфорд исполнял обязанности конферансье. Первая леди отсутствовала.

Мэрилин заказала платье для этого вечера у Жана Луи, создавшего в 1953 году знаменитый концертный наряд Марлен Дитрих. Платье Мэрилин представляло собой практически прозрачную, плотно облегающую тело матерью, сплошь усыпанную блестками, под которой не было – или казалось, что не было, – никакого белья. За этот туалет Монро заплатила громадные по тем временам деньги – 12 тысяч долларов.

Мэрилин, как всегда, опоздала, и Лоуфорд представил ее как late Marilyn Monroe, что по-английски имеет двойной смысл: «опоздавший» и «поздний» в том смысле, в каком говорят о писателях и художниках, имея в виду периоды творчества. Сбросив горностаевый жакет на руки Лоуфорда, она запела так, что всему залу стало не по себе. В те годы в пуританской Америке не был принят столь откровенно чувственный тон.

Вечер продолжался в узком кругу в доме президента кинокомпании «Юнайтед Артисте» Артура Крима. По продолжительности это свидание было самым коротким. Весь вечер президент был окружен толпой друзей, гостей и журналистов. Некоторые мемуаристы, впрочем, утверждают, что последовавшую за вечером ночь Мэрилин провела в пентхаусе отеля «Карлайл», который Кеннеди арендовал постоянно в качестве своей нью-йоркской квартиры.

Ральф Робертс категорически опровергает эту версию. «Это абсолютно невозможно, – заявил он Дональду Спото, автору самой фундаментальной биографии Монро. По его словам, Мэрилин покинула квартиру Крима на 69-й Ист-стрит в сопровождении друзей, которые привезли ее домой около двух часов утра. Там ее ждал Робертс, чтобы сделать массаж. – Когда я уходил, было уже почти четыре, и она спала».

Больше президент и Мэрилин Монро не встречались – во всяком случае, никаких надежных свидетельств на этот счет не существует. Министр юстиции Роберт Кеннеди и директор ФБР Эдгар Гувер предупредили президента, что дом Лоуфордов в Санта-Монике, всего вероятнее, прослушивается мафией. Кеннеди принял решение положить конец этой связи.

«Мэрилин понимала, что смириться с этим не сможет, – говорит Лоуфорд. – Она начала писать страстные письма Джеку (Джону Кеннеди. – В.А.) и продолжала звонить ему. Она угрожала обратиться к прессе. В конце концов он послал в Калифорнию Бобби, чтобы утихомирить ее».

Четыре встречи с братом президента

Роберт Кеннеди познакомился с Монро за несколько недель до брата, в октябре 1961 года, опять-таки в доме Лоуфордов. «Около полуночи Мэрилин решила отправиться домой, – вспоминает пресс-секретарь министра юстиции Эдвин Гатман. – Но она выпила так много шампанского, что мы встревожились. Бобби и я не позволили ей сесть за руль и вместе довели ее до самого крыльца».

Второй раз они увиделись у Лоуфордов в феврале следующего года, когда Бобби Кеннеди с делегацией сделал остановку в Калифорнии перед большим турне по странам Дальнего Востока. На этот раз, свидетельствует Гатман, Мэрилин была «абсолютно трезва, производила чрезвычайно приятное впечатление человека, с которым забавно и легко говорить, и интересовалась серьезными темами».

Пресс-секретарь Монро Пэт Ньюкомб, которая тоже присутствовала на этом приеме, вспоминает, что накануне события Мэрилин сказала ей: «Я хочу быть в курсе дела, Пэт. Я правда хочу знать, что происходит в стране». По словам Ньюкомб, она особенно интересовалась про-

1928 год. Все еще впереди

блемой гражданских прав и заготовила перечень вопросов. Пресса обратила внимание, что Бобби Кеннеди говорил с Монро дольше, чем с любым другим гостем. Именно о гражданских правах, они и говорили, утверждает Пэт Ньюкомб.

Третья встреча с Бобби имела место в «Мэдисон Сквер Гарден» на все том же торжестве 19 мая. Четвертая, в июне, была самой неформальной. Лоуфорды заехали за ней, чтобы вместе отправиться обедать; в машине сидел Бобби Кеннеди, и Мэрилин пригласила всех троих посмотреть ее новый дом. Именно в тот раз младший брат должен был исполнить поручение президента.

Президент к тому времени сменил свой прямой номер телефона в Белом доме, и Мэрилин не могла ему дозвониться. Оператор отказывался соединить ее, несмотря на то, что она раздраженно называла свое имя.

Бобби, рассказывает Лоуфорд, «попытался объяснить ей, что президент – человек ужасно занятой, что управлять страной – грандиозная задача, что, хотя Джек очень беспокоится о ней, он уже женат и не может вот так запросто пойти к адвокату и развестись. Хотя это, возможно, и нелегко для нее, но она должна смириться с этим решением и не звонить больше президенту».

С этого момента, утверждает Лоуфорд, начался роман Мэрилин и Бобби. «Это не входило в намерения Бобби, но в тот вечер они стали любовниками и провели ночь в нашей гостевой спальне. Почти сразу же роман пошел бурно, они начали часто встречаться. Теперь вместо Белого дома Мэрилин звонила в Министерство юстиции. Энджи Новелло, личный секретарь Бобби, вела с ней долгие беседы, когда шеф отсутствовал в офисе. По словам экономки Монро Юнис Мюррей, Мэрилин и Роберт Кеннеди «занимались любовью по телефону». Одна из скандальных книг называет Бобби и Мэрилин «пионерами телефонного секса».

Бобби, повествует та же книга, часто приезжал в Калифорнию, всякий раз останавливаясь в доме Лоуфордов. Соседи видели его и Мэрилин во время долгих прогулок по пляжу. Они говорили о Фиделе Кастро и заливе Свиней, о гражданских правах, Корпусе мира и организованной преступности. Мэрилин специально готовилась к этим встречам. Ее прислуга заметила, что в доме появились книги о политике и блокноты, из которых она делала выписки.

Имеются, однако, и прямо противоположные свидетельства. Ральф Робертс утверждает, что, вернувшись с чествования президента и рассказывая ему о вечере, Мэрилин сказала, что она не собирается заводить роман с Бобби.

В 1973 году в телевизионном интервью Норман Мейлер, написавший свою версию биографии Монро, заявил, что лично он не верит в интимную связь Мэрилин с Бобби Кеннеди, однако его издатель предложил ему дополнительный гонорар, а Мейлеру в тот момент были «срочно нужны деньги», и он вставил роман с Бобби в свою книгу.

Четыре встречи Монро с Джоном и столько же с Робертом подтверждаются документально – их официальными кален-

дарями, которые хранятся в Национальном архиве США и президентской библиотеке Джона Кеннеди и которые тщательно проверил Дональд Спото. Все прочие сообщения о якобы имевших место свиданиях – домыслы, не поддающиеся проверке, а многие опровергаются теми же календарями, а также графиком работы Монро.

Что касается звонков, то Спото выяснил, что Мэрилин звонила министру юстиции восемь раз. По словам Пэт Ньюкомб и Эдвина Гатмана, беседы носили дружеский характер, были короткими и незамысловатыми. Занятый по горло Кеннеди не мог говорить подолгу. Записи в журнале министерства показывают, что разговоры редко продолжались больше одной минуты и что в некоторых случаях Мэрилин разговаривала с секретарем Бобби. Во всех без исключения случаях Мэрилин звонила через главный коммутатор министерства. В ее телефонной записной книжке значится только этот номер Роберта Кеннеди. Никакого прямого номера, утверждает Спото, она не знала.

Синяк под глазом

...Вернувшись из Нью-Йорка, Мэрилин утром в понедельник была на съемочной площадке. Она встретила холодный прием продюсера и режиссера, но честно отработала восьмичасовую смену. Джордж Кьюкор бесконечно переснимал каждый план, делал десятки дублей – как она считала, в наказание за ее отсутствие. В среду снималась сцена в бассейне, и она провела весь съемочный день в воде. Так прошла и следующая неделя.

В пятницу 1 июня Мэрилин был день рождения: ей исполнилось 36 лет. Кьюкор, однако, был настроен на работу и не позволил отметить дату до тех пор, пока группа не отработает смену полностью. В шесть вечера участники съемки съели по куску торта и выпили шампанского за здоровье именинницы, но задерживаться никто не стал: у всех были свои планы на уик-энд. У всех, кроме Мэрилин. Вечер и следующее утро она провела в полном уединении. Доктор Гринсон путешествовал с лекциями по Европе, поэтому, когда ей потребовалась помощь и утешение, а никого из близких друзей найти по телефону не удалось, она позвонила сыну и дочери Гринсона, который приказал детям в свое отсутствие отзывать на все просьбы Мэрилин. Дэн и Джоан немедленно приехали и застали ее в спальне в состоянии глубокой депрессии; она была явно не в себе, плохо ориентировалась в пространстве и жаловалась на головокружение. Это были классические признаки передозировки. Гринсоны вызвали врача, телефон которого оставил им отец. Явившись, тот, по словам экономки Юнис, нашел на ночном столике Монро «целый арсенал опасных седативных средств» и «смахнул их все разом в свою сумку». В ночь на 3 июня пришлось вызвать другого врача, чтобы сделать Мэрилин успокаивающий укол.

Судя по всему, это была ее реакция на известие о том, что президент по настоянию советников решил поставить точку в своих отношениях с Мэрилин. К ней вернулась бессонница, появились признаки анорексии – отвращения к еде. Она опять пропущала съемки. А потом в Брентвуде появилась Бобби.

Ральф Гринсон считал, что успех у мужчин «компенсировал» Мэрилин измену отца, которого она никогда не знала: он бросил мать Мэрилин еще до ее рождения. По мнению Гринсона, она подсознательно стремилась создать образ, перед которым не смог бы устоять ни один мужчина. По этой причине она особенно остро переживала свои любовные неудачи.

Так называемые попытки самоубийства, полагает Дональд Спото, были не чем иным, как попытками привлечь к себе внимание. По словам близких друзей, она была знатоком фармакологии и точно знала дозу каждого медикамента. Иногда она допускала легкую передозировку. «Мэрилин нравилось, чтобы ее спасали», – говорит ее пресс-секретарь Руперт Аллен.

6 июня Гринсон примчался в дом Монро прямо из аэропорта. С этого момента, пишет Спото, «события приняли гротескный оборот». Роль Гринсона и его действия до сих пор обсуждаются биографами Монро. Один из очевидцев, продюсер Уолтер Вайнштейн, пишет: «Я всегда чув-

ствовал, что такие люди, как он, видели в ней свою инвестицию. Он не только получал финансовую выгоду, но и фабриковал ее болезнь. Ему было нужно, чтобы она ощущала себя больной, зависимой и беспомощной. В Ральфе Гринсоне крылось нечто зловещее». Имеются свидетельства, что Гринсон был эмоционально неуравновешен и во время сеансов впадал в приступы иррационального гнева. Большинство его пациентов составляли скупые богатые дамы Беверли-Хиллс и кинозвезды, и он не делал секрета из того, что ненавидит их всех.

Наутро после своего возвращения из Европы Гринсон привез свою пациентку к пластическому хирургу Майклу Гардину. Мэрилин, вспоминает Гардин, была растрепана, на обоих нижних веках синяки, слабо замазанные косметикой. По словам Гринсона, Монро поскользнулась и упала в душе. «Мне было совершенно очевидно, – вспоминает Гардин, – что она находилась под воздействием медикаментов, она говорила глухо и неразборчиво. Но главная проблема состояла в том, что ей нужно было сниматься и она боялась, что сломала нос. Говорила она мало, на мои вопросы отвечал доктор Гринсон. Она не пожелала сделать рентгеновский снимок. Я внимательно обследовал нос и не обнаружил никаких признаков перелома».

Д-р Гардин не исключал, что синяки могли быть результатом ударов по лицу. Дональд Спото считает, что Гринсон попросту избил Мэрилин. Она провела неделю дома в полной изоляции, фактически под домашним арестом Гринсона, пока синяки не прошли.

Терпение руководства студии между тем иссякло. 7 июня, в тот самый день, когда Гринсон и Монро посещали пластического хирурга, студия расторгла контракт и вчинила Мэрилин иск на полмиллиона долларов. Впоследствии сумма была увеличена до 750 тысяч. Роль Мэрилин получила актриса Ли Рэмик, но лишь после того, как от предложения отказались Ким Новак и Ширли Маклейн. Объявив о замене, руководители Fox не учли, что в контракте Дина Мартина сказано, что он должен одобрить кандидатуру. Узнав об отстранении Мэрилин, Мартин немедленно позвонил своему агенту и сказал, что прекращает сниматься в фильме «Что-то должно случиться». Никакие уговоры не помогли, и студия предъявила Мартину иск на полную сумму своих убытков, которые она понесла бы в случае полной остановки производства – 3 миллиона 339 тысяч долларов. Забегая вперед, скажем, что иск против Монро Fox в итоге проиграла, а против Мартина – отозвала.

Мэрилин все эти перипетии вдруг перестали интересовать. В ее жизни произошла важная перемена: она снова сблизилась с Джо Ди Маджо, человеком редкого благородства, и решила выйти за него во второй раз. Церемония бракосочетания была назначена на 8 августа. Молодожены увлеченно планировали свадебное путешествие и будущую совместную жизнь.

Тем временем на Fox произошли крупные изменения. Ее возглавил знаменитый продюсер Дэррил Занук. Он не был горячим поклонником Монро, но знал, как добиться коммерческого успеха. Ознакомившись с проектом злополучного фильма, Занук заменил режиссера и велел подписать с Мэрилин новый контракт на четверть миллиона долларов – сумму, в два с половиной раза большую, чем первоначальная.

До свидания, мальчики...

4 августа Ральф Гринсон приехал к Монро вскоре после часу пополудни и провел с ней почти весь остаток дня. Сначала они удалились в спальню для ежечасного полтора часового сеанса. Около трех Гринсон потребовал от Пэт Ньюкомб, которая ночевала в доме, удалиться, сказав, что должен остаться с Мэрилин наедине. Гринсон остался в доме, а Мэрилин отправился к Лоуфордам.

Состояние, в котором она к тому времени находилась, разительно отличалось от утреннего: гость Лоуфордов, Уильям Эшер (тот, что был режиссером президентского дня рождения в «Мэдисон Сквер Гарден»), говорит, что Монро находилась под явным воздействием

медикаментов: ее речь была неразборчивой, походка – шаткой. Как показало впоследствии вскрытие, в печени обнаружилась высокая концентрация барбитурата «Нембутал». Для того чтобы он попал в печень, необходимо несколько часов, то есть примерно столько, сколько прошло между посещением дома Лоуфордов и смертью.

Около четырех она вернулась, и сеанс Гринсона продолжался. В пять позвонил Питер Лоуфорд и пригласил ее на мексиканский ужин в кругу близких друзей. Она отказалась, Лоуфорд настаивал, потом сказал, что перезвонит и надеется, что она передумает. После этого на звонки отвечала либо экономка Юнис, либо сам Гринсон. Ральфу Робертсу, который позвонил в пять сорок, психоаналитик на просьбу позвать к телефону Мэрилин резко ответил: «Нет дома» – и положил трубку, даже не спросив, что передать. Именно в это время Гринсон ждал звонка от Энгелберга, которого никак не мог разыскать. Когда Гринсон все-таки застал его дома, Энгелберг отказался приехать и сделать Монро инъекцию.

По словам Гринсона, он уехал из дома Монро в семь или семь пятнадцать вечера, оставив Мэрилин вдвоем с экономкой Юнис Мюррей. После отъезда Гринсона Мэрилин позвонил сын ее жениха – Джо Ди Маджо – младший. Они проговорили минут десять. Ди Маджо утверждает, что ничего депрессивного в ее голосе не было – напротив, она была совершенно счастлива.

После Джо снова позвонил Питер Лоуфорд – это было в семь сорок или семь сорок пять. По его словам, голос Мэрилин звучал невнятно, временами ее было вовсе не слышно.

Питер, отлично знавший о ее пагубной привычке к барбитуратам, испугался. Он попытался привести ее в чувство, стал громко выкрикивать ее имя, спрашивая, что случилось. Она то не слышала его, то ее голос прерывался, как при затяжке сигаретой, потом она сказала: «Скажи до свиданья Пэт, скажи до свиданья президенту, скажи до свиданья себе, потому что ты хороший мальчик...»

У Лоуфорда упало сердце. Мэрилин умолкла. Решив, что она положила трубку, Лоуфорд стал набирать ее номер снова, но слышал лишь короткие гудки «занято» – так продолжалось полчаса. Когда он попросил оператора телефонной компании прервать разговор, ему ответили, что никакого разговора никто не ведет: либо телефон неисправен, либо трубка не лежит на месте. Лоуфорд стал звонить друзьям, дозвонился до Милтона Эббинса и сказал ему: «Поехали туда, прямо сейчас – мне кажется, с Мэрилин происходит что-то ужасное». В ответ он услышал: «Питер, не делай этого! Ты зять президента. Если ты поедешь туда и окажешься, что она пьяна или наглоталась наркотиков, или еще что-нибудь в этом роде, то завтра ты увидишь свое имя в заголовках газет. Впрочем, дай я позвоню Мики Рудину (адвокат Монро. – В.А.). Если он скажет «да» – поезжай». Эббинс разыскал Рудина в гостях. Тот сказал, что попытается выяснить, в чем дело.

Рудин позвонил Юнис. На часах было восемь тридцать. Юнис находилась в гостевом коттедже. Рудин попросил ее проверить, все ли в порядке у Мэрилин, и ждал у телефона около четырех минут. «Она в порядке», – доложила экономка. «Но я понял, что она куда-то ходила», – говорит Рудин. Он был совершенно прав. Рудин перезвонил Эббинсу и пересказал ему свой диалог с Юнис, однако ничего не

сказал о своих сомнениях. Эббинс позвонил Лоуфорду. Тот, однако, не успокоился. К этому времени он был уже изрядно пьян. Он стал снова обзванивать друзей и просить их о помощи. Наконец один знакомый, живший поблизости от Монро, согласился поехать к ней и проверить, все ли в порядке. Однако пока он одевался, позвонил Эббинс с указанием куда не ездить, потому что все и так в порядке. Он, мол, только что говорил с Рудином, который выяснил, что доктор Гринсон дал Мэрилин успокаивающее лекарство.

Лоуфорд тем не менее продолжал пить и бесноваться. Около часу ночи он позвонил Эшеру и предложил ему поехать к Мэрилин. Он утихомирился лишь в час тридцать, когда узнал правду: Гринсон позвонил Рудину из дома Мэрилин и сказал, что она мертва.

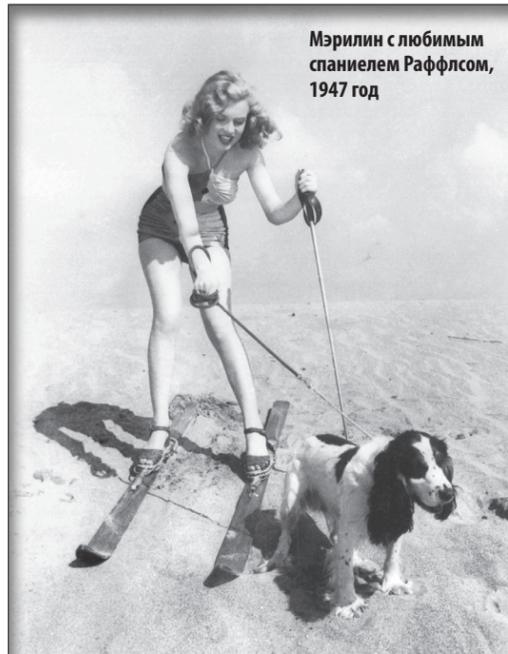
Все и никто

Прибывший по вызову сержант полиции Джек Клеммонс провел первое дознание. На его вопрос, почему в полицию позвонили так поздно, Гринсон ответил, что врачам необходимо было получить разрешение руководства студии на огласку факта смерти. Объяснение абсурдное. Домыслы о вскрытии неких сейфов, о сожжении в камине документов, компрометирующих президента и министра юстиции, не находят ни малейшего подтверждения, не основаны ни на чьих показаниях и категорически отрицаются всеми без исключения свидетелями. Полицейские тщательнейшим образом осмотрели помещение на предмет предсмертной записки, но нашли на полу лишь телеграмму из Парижа с приглашением участвовать в шоу. Соседи показали, что ни малейшего шума из дома Мэрилин вечером и в ночь ее смерти не доносилось. На теле не было никаких следов насилия.

Около трех часов утра Юнис, по ее словам, проснулась, «почему – по сей день не понимаю». Она заметила свет под дверью спальни Мэрилин, попыталась открыть ее, обнаружила, что дверь заперта изнутри, и позвонила Гринсону. Доктор велел ей взять каминную кочергу, выйти во двор и раздвинуть занавески спальни кочергой через форточку. Юнис так и сделала. Она увидела обнаженную Мэрилин, лежащую неподвижно на постели лицом вниз. Об этом она доложила Гринсону, который поспешил в дом и, действуя той же кочергой, взломал дверь спальни. В три тридцать Гринсон позвонил лечащему врачу Мэрилин Хайману Энгелбергу, который официально констатировал смерть. В четыре двадцать Гринсон и Энгелберг позвонили в полицию.

У Спото вызывает подозрение каждая деталь этого рассказа. Прежде всего он выяснил, что в спальне Мэрилин незадолго до описываемых событий настелили ковер – такой толстый, что дверь вообще не закрывалась. Тогда его прижали специальной скобой. Люди, часто бывавшие в доме, уверенно заявляют, что после этого под дверью не было ни малейшей щели, сквозь которую мог бы просочиться свет лампы. Кроме того, Мэрилин никогда не запирала двери. Наконец, Юнис не могла раздвинуть занавески кочергой, потому что это была одна сплошная занавеска – это прекрасно знал Ральф Робертс, который сам ее вешал.

Около восьми часов утра труп Мэрилин Монро был доставлен в городской морг

Мэрилин с любимым спаниелем Раффлсом, 1947 год

Лос-Анджелеса. В десять тридцать заместитель coronera графства Лос-Анджелес д-р Томас Ногучи завершил его вскрытие.

Вместе с ним вскрытие проводил Джон Майнер – эксперт, много раз доказавший на практике свое умение отличать подлинное самоубийство от мнимого. Заключение о причинах смерти претерпело три редакции. 10 августа coroner Теодор Карфи подписал предварительный документ, где причина смерти была указана с оговоркой, как «возможная»: передозировка барбитуратов. В дальнейшем оговорки исчезли.

Вывод о передозировке основан на результатах токсикологического анализа, который показал высокую концентрацию «Нембутала» в печени покойной. Кроме того, на ночном столике Монро полицейские обнаружили, среди прочих лекарств, пустой пузырек из-под «Нембутала». Рецепт был выписан д-ром Энгелбергом 3 августа. В пузырьке должно было быть 25 капсул. На другой склянке, емкостью 50 капсул, значилось, что рецепт выписан 25 июля и повторно на такое же количество препарата – 31 июля. В этом пузырьке оставалось 10 капсул.

Д-р Гринсон охотно рассказал судмедэкспертам, что покойница страдала психическим расстройством и что он не может себе вообразить никакой иной причины смерти, кроме самоубийства.

Однако Ногучи, Майнер и по меньшей мере трое других авторитетных патологоанатомов не согласились с версией самоубийства. Медикамент можно ввести в организм лишь тремя способами: через рот, при помощи инъекции или посредством клизмы. Барбитурат, оказавшийся в печени, не мог быть введен в организм в ночь смерти – чтобы он был усвоен печенью, как мы уже сказали, требуется несколько часов. Если бы имела место инъекция, анализ показал бы присутствие барбитурата в крови в большей концентрации. «Способом, которым фатальная доза лекарства попала в организм, была клизма», – говорит Майнер. Монро, добавляет он, пользовалась клизмой довольно часто «в гигиенических и диетических целях». Среди актрис той эпохи, подчеркивает он, это была распространенная причуда.

Но что за препарат был введен в прямую кишку, когда и кем?

Дональд Спото считает, что это произошло между двумя телефонными разговорами, то есть между семью двадцатью пятью и семью сорока пятью. Первый

собеседник Мэрилин, Ди Маджо – младший, не заметил ничего подозрительного в ее голосе, напротив, как мы уже сказали, Мэрилин была, по его словам, счастлива. Питер Лоуфорд говорил будто с другим человеком. Разительная перемена произошла в течение двадцати минут. Что если Мэрилин знала, что умирает и что спастись нельзя? «Скажи до свиданья...» – твердила она.

Ральф Гринсон пытался разрушить наркотическую зависимость своей пациентки от барбитуратов. Он запретил Энгелбергу выписывать ей «Нембутал» без своего разрешения и заменил его хлоралгидратом в качестве снотворного. Однако 3 августа Мэрилин уговорила Энгелберга выписать рецепт.

Такая инъекция оставила бы явный след на теле. Однако Майнер и Ногучи утверждают, что «каждый дюйм тела был исследован с лупой» и никаких следов иглы шприца они не обнаружили. Зато прямая кишка оказалась в необычном состоянии. «Ногучи утверждал, что Гринсон разрешил ей небольшую дозу «Нембутала». На следующий день Гринсон заметил, что Монро пребывает под воздействием «каких-то медикаментов». Он слишком хорошо знал свою пациентку, чтобы не понять, какого именно медикамента.

Он не знал точную дозу, но видел, что препарат оказался неэффективен: Мэрилин была возбуждена, сердита и неуправляема. Решение Гринсона явствует из результатов токсикологической экспертизы: хлоралгидрат, присутствовавший в крови, но не в печени. Уровень содержания в крови хлоралгидрата вдвое превышал уровень «Нембутала», большая часть которого была уже усвоена печенью. Следовательно, заключает Спото, хлоралгидрат был введен в организм после «Нембутала». Возможно, в спешке Гринсон не учел критически важный фактор – реакцию взаимодействия двух препаратов, имевшую в полном смысле убийственный эффект. Мики Рудин вспоминает, как Гринсон сказал в ночь смерти Мэрилин: «Черт возьми! Он выписал ей рецепт, о котором я не знал!» Джон Майнер помнит другую фразу Гринсона: «Если бы я только знал об этом рецепте...» «Если бы знал, то что?..» – спрашивает Дональд Спото.

Вспомним, что Энгелберг отказался приехать и сделать укол. Другим, кроме инъекции, эффективным способом ввести хлоралгидрат была клизма. Гринсон никогда сам не делал уколов и не ставил клизм. Как психоаналитик, он не обязан был это делать и не желал брать на себя лишнюю ответственность. Единственным человеком, кто мог поставить Мэрилин клизму по указанию психоаналитика, была Юнис Мюррей. Она боготворила Гринсона, считала себя по гроб жизни обязанной ему за место в доме Монро и была его верной шпионкой. Гринсон мог и не уезжать из дома. В течение многих лет он утверждал, что отправился обедать с друзьями, но ни разу в ответ на прямой вопрос не назвал по имени ни одного из этих друзей, кто мог бы подтвердить его слова.

Существует еще одна странная деталь: когда сержант Клеммонс прибыл по вызову, Юнис занималась стиркой – среди ночи, тотчас после смерти хозяйки. По мнению Майнера, она уничтожала вещественные доказательства, а именно – стирала простыни, на которых могли остаться следы процедуры введения клизмы.

Это только версия. В смерти Мэрилин невозможно обвинить никого. Кто убил ее? Все. И никто.

Фото AP

Ее любили братья Кеннеди – Роберт (слева) и Джон. Жаклин (на фото с Джоном) наверняка знала об этом увлечении мужа

Самым любимым мужчиной Мэрилин оставался, судя по всему, Джо Ди Маджо. Незадолго до смерти Мэрилин они вновь сошлись. 21 февраля 1962 года, в аэропорту Майами

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д. 17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 07.07.2020 г.
Выход в свет 07.07.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10700 экз.
Заказ № 1786